ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ХРОНИКИ МАЙОРА КОРСАКОВА

ТОМ 3

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОРАБОТАННОЕ АВТОРОМ

Москва, 2017

Илья Деревянко
Хроники майора Корсакова. Том 3. Книга вторая

Текст предоставлен правообладателем
Хроники майора Корсакова. Том 3. Книга вторая:
ISBN 978-5-6040077-4-7

Аннотация

Капитан ФСБ Дмитрий Корсаков – настоящий профессионал. Он в совершенстве владеет рукопашным боем, холодным и огнестрельным оружием. В обычной жизни добродушный парень, в экстремальной ситуации он мгновенно становится идеальной боевой машиной, безжалостной к врагам. И врагов этих великое множество! Но Корсаков с ними не церемонится, и для каждого у него найдется свой метод борьбы…

«…Операция была разработана досконально, с большим профессионализмом, а потому протекала гладко, без сучка без задоринки. К половине десятого вечера оперативники ФСБ и приданные им в усиление бойцы группы «Омега» скрытно рассредоточились вокруг загородной усадьбы благотворительного фонда «Прометей». А когда полностью стемнело, получили по рации приказ «Поехали» и тенями заскользили вперед, отлично ориентируясь на заранее изученном объекте…»

Содержание

Отсроченная смерть 4
Пролог 5
Глава I 14
Глава II 29
Глава III 45
Глава IV 59
Глава V 79
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Илья Деревянко Хроники майора Корсакова. Том 3. Книга вторая

Отсроченная смерть

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и название городов, улиц, площадей, политических партий, оздоровительных центров и т. д. вымышленны. Любые совпадения случайны.

Пролог

13 ноября 2006 г.
г. Н-ск. Здание ФСБ на Лукьянской площади

Полковнику Корсакову Д. О.

В связи со служебной необходимостью, приказываю Вам, начиная с сегодняшнего дня, пройти месячный курс повышения квалификации под руководством полковника Логачева П. В. Занятия следует проводить ежедневно, в свободное от основной работы время, не менее двух-трех часов в сутки. Данный вопрос согласован с Вашим непосредственным начальником генерал-майором Рябовым В. А.

13.11.06.
генерал-лейтенант Нелюбин Б. И.
(далее – размашистая подпись).

«В свободное от основной работы время», – хмуро повторил вслух высокий, коротко стриженный блондин с серыми глазами, твердым подбородком, одетый в хорошо пошитый штатский костюм, ладно облегающий его мускулистую фигуру.

– Ну где же… Где мне выкроить это самое время?! Благо-

даря новой должности загружен по самые уши! Может, ты, Васильич, подскажешь?! – обратился он к человеку, принесшему документ и без приглашения устроившемуся в кресле напротив.

– Проводишь серьезную операцию, требующую постоянного личного участия? – поинтересовался тот.

– Да нет, какое там! – в сердцах махнул рукой Корсаков. – С тех пор как мне навязали отдел – рутина заела. То одно, то другое, то третье… И, главное, прорва инструкций, наставлений, методических указаний и прочей макулатуры с «заоблачных высот». Зарылся в них по уши, утонул, блин! Ума не приложу, как теперь быть!

– Наплюй, – лаконично посоветовал Логачев.

– В смысле? – не понял блондин.

– А вот так – тьфу! – Петр Васильевич набрал полный рот слюны и смачно плюнул. Правда, не на ворох бумаг, заваливших стол, а в мусорную корзину. Затем сладко потянулся, как огромный кот, и благодушно пояснил: – Отбери несколько действительно важных документов, последнюю оперативную сводку, а остальную, как ты выразился, «макулатуру» сложи в папку да запри в сейф. Сразу почувствуешь разницу.

– Ты серьезно? – недоверчиво приподнял брови новоиспеченный начальник отдела.

– Абсолютно! Там, – Логачев ткнул пальцем в потолок, – любят засылать нам многостраничные цеу, дабы подчеркнуть собственную значимость и оправдать громадные зар-

платы. (Я имею в виду некоторых господ из администрации ВВП, а не руководство Конторы.) Все они, как правило, повторяют друг друга и толку от них ноль без палочки. А если появится что-то по-настоящему важное – оно пройдет через начальника Управления, и Рябов обязательно введет тебя в курс дела. Поэтому не стесняйся, Дмитрий, разгребай хлам, а мне, если можно, организуй чайку.

– Ви-ика! – нажав на селекторе кнопку, позвал блондин.

В кабинет вошла молоденькая синеглазая шатенка с полной грудью, осиной талией и длинными стройными ногами, едва прикрытыми короткой юбкой. (Старший лейтенант ФСБ Виктория Семина.)

– Приготовь чай нашему гостю, – распорядился Корсаков.

– Зеленый, без сахара, в пиале, – впившись в красотку пристальным взглядом, добавил Петр Васильевич.

– Хорошо, – смущенно чирикнула секретарша и, одернув юбчонку, скрылась за дверью.

– Эк ты ее взглядом раздел! – усмехнулся Дмитрий. – Понравилась?

– Ошибаешься, – холодно возразил Логачев. – Я ее не «раздевал», а попробовал заглянуть в душу.

– Получилось?

– Пока нет, – Петр Васильевич покачал массивной, ярко-седой головой, остриженной так же коротко, как у его собеседника. – Я сумел понять лишь одно: девчонка – себе на уме и вовсе не такая наивная, какой хочет казаться… На тво-

ем месте я был бы с ней поосторожнее. По крайней мере, на первых порах.

– Угу, угу, – пропустив мимо ушей две последние фразы, пробормотал Корсаков и принялся сортировать бумаги…

* * *

Предложенный Логачевым метод работы с документами оказался на редкость эффективен. Менее чем через час бумажные завалы бесследно исчезли, а сейф пополнился увесистой картонной папкой. На столе остались только: приказ Нелюбина, последняя оперативная сводка (с которой Корсаков тут же и ознакомился), а также два представления о присвоении очередных воинских званий капитанам Горошко и Филимонову.

– Если вдруг понадоблюсь, ты знаешь, как со мной связаться, а это – немедленно на подпись к Рябову! – слегка заалев скулами (представления были написаны им неделю назад, но затерялись в груде цеу), сказал Корсаков секретарше и обернулся к Логачеву, неторопливо допивающему вторую пиалу: – Идем, Васильич. Вплоть до обеда я в твоем полном распоряжении. Да, кстати, а в какой именно области ты будешь мою квалификацию повышать?!

– Скоро узнаешь, – улыбнулся седовласый здоровяк, бесшумно направляясь к двери…

Минут через пятнадцать они уже находились в «спорт-

зале», представляющем собой просторное подвальное помещение, расположенное в нижних уровнях комплекса зданий на Лукьянке. Середина его утопала в мягком полумраке, плавно переходящем в кромешную темноту. В дальнем правом углу, освещенная снопом электрического света, неподвижно стояла голая человеческая фигура. Внимательно присмотревшись, Дмитрий понял, что это манекен, изготовленный с потрясающим реализмом и покрытый вместо кожи телесного цвета резиной.

– Ну-с, приступим, – вздохнул Петр Васильевич, и в следующее мгновение на Корсакова из темноты с ревом ринулась легковая машина.

В последний момент он успел отпрыгнуть в сторону и недоуменно уставился на Логачева.

– Реакция хорошая, но ни малейшего представления о технике, – буднично сказал тот. – И это может тебя погубить рано или поздно. От одной машины ты увернулся. Не спорю. Ну а если бы нападение произошло там, где их много? Или хотя бы две-три. Что тогда?

Корсаков удрученно промолчал.

– Угодил бы под колеса другой. Теперь посмотри, **как** надо поступать в таких случаях.

В ту же секунду (и снова из темноты) на инструктора рванулась вторая легковушка со скоростью побольше, чем у первой, но Логачев не стал никуда шарахаться. Более того, он сам прыгнул на четырехколесную убийцу, по диагонали

кувыркнулся через капот, пружинисто приземлился на ноги и выстрелил в заднее стекло бутафорским патроном. Напротив головы водителя расплылось красное маслянистое пятно.

– Управление потеряно. Можно покончить и с остальными, если они там есть, – Логачев сунул пистолет обратно за пояс.

– Класс! – восхитился Корсаков. – Такое действительно нужно уметь!

– Это ерунда, – пренебрежительно отмахнулся Петр Васильевич. – С твоей реакцией и бойцовскими навыками освоишь за одно, максимум за два занятия. Мне приказано обучить тебя гораздо более сложным вещам, над которыми придется изрядно попотеть. А с машинками будешь развлекаться в начале тренировки. Для разминки.

– ??!

– Подойди к манекену.

Корсаков послушно приблизился к ярко освещенной фигуре в углу. Вблизи она уже не казалась столь живой, но все равно – сходство с обнаженным мужчиной было потрясающим. На теле, в основном на туловище, отчетливо виднелись несколько красных точек.

– Отсроченная смерть, – пояснил Логачев. – Четкий удар в такую точку убивает человека спустя определенный промежуток времени. Причем смерть наступает вроде бы от естественных причин. Ни одна экспертиза не подкопается, и ни

один врач не спасет…

– А-а-а-а, искусство отравленной руки, – протянул Корсаков. – Слышал, слышал. Даже в гонконговском фильме видел однажды. Но там было, если не ошибаюсь, легкое касание, почти не ощутимое жертвой. Выходит, врали китаезы?!

– Нет, не врали, – покачал головой Петр Васильевич. – Только на Востоке сие действо тесно связано с оккультизмом. Проще говоря, удар наносится темной нечеловеческой энергией, полученной сам знаешь от кого и какой ценой. Кстати, на православных христиан, **на настоящих православных,** – подчеркнул он, – подобные фокусы не действуют (так же, как и гипноз). Но таких, к сожалению, маловато осталось… Однако не будем отвлекаться. В нашей отсроченной смерти нет никакой мистики. Все основано на законах анатомии и физики. Пораженный нервный узел по цепочке воздействует на другие органы и в конечном итоге приводит к летальному исходу. Но учти – удар должен быть очень точным, определенной силы. Лишь тогда мы получим желаемый результат. Вот смотри, – Логачев ткнул двумя пальцами в одну из точек. Глаза манекена вспыхнули синим пламенем.

– Через четыре часа инфаркт, – механическим голосом сообщил он.

– Теперь ты, – Петр Васильевич отстранился.

Прицелившись, Корсаков выбросил руку в аналогичном ударе.

– Мазила, – отчеканил манекен и металлически расхохо-

тался.

– Поставленной цели ты не достиг, – добавил Логачев. – Я же говорил: *удар должен быть очень точным,* буквально хирургическим. Иначе враг отделается легким испугом. Ладно, не беда, научишься постепенно. А сейчас – к делу. У тебя ровно десять минут на запоминание. Затем разминочный спаррингс тремя противниками, отработка грамотного столкновения с машиной и снова попробуешь. Так будет продолжаться, пока намертво не запомнишь точки, нарисованные на голом теле. Потом задачу усложним. Приступай.

– Можно один вопрос? – вздохнул Корсаков и, не дожидаясь ответа, спросил: – Это единственная цель тренировок?

– Она главная, но отнюдь не единственная, – судя по заиндевевшему взгляду, Логачев начал терять терпение. – У нас в программе изучение некоторых медицинских нюансов, подробное ознакомление с ядами и противоядиями, психологическое воздействие на людей, животных, способы оказания самому себе первой помощи при серьезных ранениях и отравлениях, плюс освоение ряда приемов из секретного раздела боевого самбо. А теперь заканчивай болтать и принимайся за работу. Иначе накажу. Нелюбин, между прочим, разрешил.

Снова вздохнув, Корсаков впился взглядом в манекен. «Не было печали, так черти накачали, – сумрачно подумал он. – Ох, чую, загоняет меня Васильевич! И какого рожна

Нелюбину взбрело в голову делать из меня терминатора?»

– Десять минут прошло, – спустя некоторое время прозвучал в ушах ровный голос инструктора. – На очереди разминочный спарринг. Начали!

На Корсакова прыгнули откуда-то сверху три здоровенных бугая в закрытых головных шлемах, с раковинами, щитками и прочими защитными приспособлениями.

«Весело! – мысленно усмехнулся он, отражая первые удары и переходя в контратаку одновременно на три фронта. – Тут явно не соскучишься, мягко говоря. Ну да ладно, нам не привыкать!!!»…

Глава I

Полковник ФСБ Корсаков Дмитрий Олегович, 30 лет,

дважды герой России, русский, беспартийный, неженатый.

Месяц спустя.

– Еще кофе?

– Да, пожалуй.

– Одну минуточку! – ослепительно улыбнувшись и вильнув упругими бедрами, Вика скрылась за дверью. «Явно в постель заманивает, – отложив прочитанную оперативную сводку, подумал я. – Недаром Клавдия смотрит на нее при встречах, как будто собирается съесть живьем. Ну да пусть смотрит! Я ей никаких обещаний не давал, а после гибели Кости Сибирцева она так достала меня «бедной раскаявшейся Аллочкой»(см. «Штрафники»), что видеть ее больше не хочется!»

– И бутерброды, да побольше, – внезапно ощутив голодное бурчание в животе, сказал я в селектор.

– Обязательно! – нежно мурлыкнуло в ответ.

За истекший месяц я похудел на восемь килограммов, здорово осунулся, и теперь мне постоянно хотелось есть.

Слова Нелюбина «не менее двух-трех часов в сутки» Логачев воспринимал как «любую свободную минуту» и гонял своего ученика почем зря. Он запросто мог уволочь меня в «спортзал» сразу после окончания операции, а если днем совсем уж не оставалось времени – без зазрения совести являлся ночью и проводил тренировки по психологическому воздействию… (О них чуть позже)… На плановых же занятиях (это когда без особого напряга выкраивались необходимые часы) он дрессировал меня безжалостно, до последнего издыхания.

«Грамотное столкновение» с машиной, вопреки утверждению Васильича, оказалось отнюдь не «ерундой». И я порядком намял себе бока (хорошо без переломов обошлось), прежде чем освоил эту технику. «Разминочные спарринги», правда, давались мне легко. Я быстро, без особого труда расправлялся с логачевскими громилами, невзирая на то, что дрался по пояс голый, без какого-либо защитного снаряжения. А вот с «отсроченной смертью» пришлось вдоволь намучиться. Первые несколько занятий манекен после каждого моего удара разражался безжизненным хохотом и обзывал меня то «мазилой», то «косоглазым», то «ботаником хреновым». (Других ругательств в его лексиконе не было.) Васильич хмурился, сопел, недовольно кряхтел и в конце концов подверг вашего покорного слугу обещанному наказанию, заключающемуся в спарринге с ним самим. Я дрался отчаянно, жестко, мечтая порвать на части своего мучителя, но…

спустя полторы минуты уже лежал на полу и до крови кусал губы от дикой боли в локтевом суставе.

– Молодец! – повременив немного и отпустив мою руку, похвалил запыхавшийся Логачев. – Давненько не встречал такого противника. А боль ты терпишь просто великолепно! Тем не менее наказывать буду и впредь. Тренировочный процесс надо форсировать!

– Нарваться не боишься? – массируя ноющий сустав, проворчал я.

– Нет, – усмехнулся Васильич. – Со мной тебе вовек не справиться! Слишком разные уровни. Разве что лет через десять…

Инструктор ошибся. Ближе к концу месяца, в процессе восьмого по счету (и последнего) наказания, я исхитрился отправить седовласого богатыря в тяжелый нокдаун, обозначил смертельное добивание, помог Васильичу подняться и, когда он полностью очухался, выслушал очередное поучение с изрядной долей самокритики: «Никогда не считай противника слабее себя, пока не убедишься в отсутствии у него пульса. Прописная истина! Я, старый дурень, о ней забыл, впал в гордыню и… поплатился соответственно. Смотри, парень, чтобы с тобой никогда такого не произошло!» Однако я отвлекся. Итак, дни шли за днями, пот лился градом, мышцы ломило от усталости, и постепенно манекен перестал обзываться и хохотать. Все чаще и чаще (а затем постоянно) он начал рапортовать после моих ударов: «инсульт», «через

пять минут разрыв сердца», «через пять часов – кровоизлияние в мозг», «через шесть часов приступ астматического удушья со смертельным исходом», «через три с половиной часа – мгновенная закупорка кровеносных сосудов»…

Тогда тренажер одели в костюм, и я стал наносить удары, уже не видя точек перед глазами. А когда и здесь добился положительных результатов – выключили свет.

Разумеется, «отсроченная смерть» и «развлечения с машинками» сопровождались изучением целого ряда других дисциплин, рассказывать о которых слишком долго. Поэтому я кратко остановлюсь только на психологическом воздействии или «ПВ», как называл его Логачев. Обучение «ПВ» производилось по ночам в «полевых условиях». Против людей – в темных подземных переходах, где любило собираться всяческое отребье, и в некоторых других местах, пользующихся дурной репутацией. А против животных (в нашем случае – бродячих собак) – на пустырях и свалках. И тех и других подопытных нужно было взглядом принудить к покорности или обратить в паническое бегство. На худой конец (это с людьми) двумя-тремя словами. Означенная наука далась мне без особого труда. Вероятно, помогла предыдущая практика. Опять же оговорюсь – тут отсутствовала какая-либо мистика. Просто более сильная воля ломала более слабую. Плюс – хорошее знание психологии (и людской, и животной). Конечно, существовала специальная методика усиления волевых качеств до нужных кондиций, но раскрывать

ее я не имею права. Васильич взял подписку о неразглашении. «Не дай Бог, враги пронюхают!» Кстати, здесь он абсолютно прав…

Вчера ночью мои мытарства наконец закончились.

– Приказ генерала выполнен, – проверив меня у манекена в темноте и прогнав по теории упомянутых выше дисциплин, объявил Логачев. – Необходимый объем знаний ты усвоил достаточно хорошо, – и неожиданно добавил, заметно смущаясь: – Ты, Дмитрий… ну… в общем, нормальный мужик. Потребуется моя помощь – обращайся в любой момент…

Бурчание в желудке становилось невыносимым. Я уже собрался поторопить секретаршу, но едва потянулся к селектору, она, источая тонкий аромат духов, возникла на пороге с большим подносом в руках, на котором стояла дымящаяся чашка кофе, высились горкой, на одной тарелке, бутерброды с семгой и золотился, на другой, мой любимый мармелад «лимонные дольки».

– Кушайте на здоровье, – низко нагнувшись, Вика поставила поднос на стол, и я заметил, что под блузкой у нее нет лифчика.

«Н-да уж! – подумал я. – Интересно, а трусики она надела? Колготки на ногах, по крайней мере, отсутствуют. Соблазняет… точно соблазняет! Хотя… Если трусы все-таки на месте, то не факт. Невзирая на уличную теплынь (начало нынешнего декабря напоминало гибрид осени с весной), в

Конторе жарко натоплено. А грудь у нее такая, что никакой лифчик не нужен».

– Если захотите добавки, я рядом, – Вика неторопливо разогнулась, одарила меня очередной улыбкой и грациозно удалилась в приемную, оставив дверь чуть приоткрытой. А я, мгновенно позабыв о ее прелестях, с жадностью набросился на еду. Как упоминалось выше, загонял меня Логачев похлеще, чем зверюга-сержант солдата-первогодка. Сбросить за месяц восемь кило – это вам не шутки, тем более что ни грамма лишнего веса во мне не было…

Двенадцать бутербродов и мармелад исчезли с тарелок в считаные секунды. Голодное бурчание на время исчезло. Я отхлебнул глоток ароматного кофе, прикурил сигарету, выпустил изо рта струйку дыма, откинулся на спинку деревянного кресла и вновь вернулся мыслями к минувшей тридцатидневке. По счастью, она не была особо загружена работой. Помимо обычной текучки, мой отдел подготовил и провел всего одну операцию по уничтожению законспирированной диверсионной группы, оставшейся нам в наследство от Басаева.

После официального сообщения о ликвидации одноногого вурдалака практически все организованное им подполье затихло и не подавало признаков жизни. (…Надо думать, до поры до времени)… Но эта банда, состоящая из отъявленных отморозков, не пожелала сложить оружие и, согласно оперативным данным, намеревалась устроить грандиозный

теракт в метро 30 ноября сего года. Самое удивительное – исчерпывающую информацию об отморозках сумел раздобыть новичок в отделе майор Федоров, переведенный к нам из областного УФСБ в октябре, когда спешно пополняли потери личного состава после операции «Аутодафе». Причем добыл – нисколько не утруждаясь. С ним самим вышли на связь два авторитета из чеченской диаспоры и… сдали группу с потрохами! Дескать – «Те шакалы позорят наш народ. Давайте жить дружно. И вот вам доказательство нашей доброй воли!» Меня, признаться, очень насторожило их поведение. И хотя сведения оказались абсолютно верными – в сердце осталась неприятная, ноющая иголочка. Дело в том, что я без малого двенадцать лет тесно общался с чеченцами: воевал, вербовал, допрашивал, вел переговоры (в основном в ультимативной форме) и даже имел среди них союзников, один из которых спас мне жизнь. (См. «Собачий оскал»). В результате я прекрасно изучил менталитет нохчей, их нравы, обычаи, нюансы поведения и… не знаю как объяснить. Короче, я нутром чуял – здесь какой-то подвох. Только не мог понять **какой.** В конце концов, я плюнул, махнул рукой, подумал: – «Дай Бог чутье меня обманывает!» – и вскоре почти забыл о своих подозрениях. Не до того стало. Информация от майора Федорова поступила спустя трое суток после получения мною письменного приказа Нелюбина и начала выматывающих тренировок под руководством Логачева. И я, переложив всю текучку на плечи Андрея Горошко и

Василия Филимонова, тщательно координировал подготовку к захвату диверсантов, просчитывал различные комбинации, вникал в мельчайшие детали, не давал ни минуты покоя подчиненным (особенно новичкам в отделе) и, в итоге, подстроил отморозкам коварную ловушку. Захват производили во вторник, 28 ноября. По старой памяти, я принял личное, непосредственное участие в операции. Тогда, кстати, я впервые опробовал некоторые навыки, привитые мне Логачевым и… Впрочем, расскажу по порядку.

Ближе к вечеру группа в составе шести человек (включая главаря Ахмата Исрапилова) должна была собраться на последний инструктаж в загородной усадьбе, где безвылазно (с момента получения нами агентурных данных) проживал сам Исрапилов и содержались под его присмотром две живые бомбы – шестнадцатилетние мальчишка и девчонка, плотно посаженные на иглу. Означенная усадьба представляла собой трехэтажный новорусский (пардон, новочеченский) особняк с заасфальтированным двором, небольшим садиком и с несколькими хозяйственными постройками. Ее окружал изящный кирпичный забор с декоративными башенками, а роль охранников выполняли пять злющих, хорошо натасканных немецких овчарок. Они не трогали только своих (т. е. членов группы), а на всех прочих бросались молча, без предупреждения, хорошо слаженной стаей. Вожаком у них был громадный серый кобель по кличке Волк.

Метрах в тридцати от забора начинались лесопосадки, об-

легающие усадьбу полукругом. С противоположной стороны находился обширный пустырь, покрытый невысокой, полуувядшей, но еще зеленоватой травой. А дальше за ним виднелась угрюмая, погрязшая в нищете деревня с разрушенной церковью, сохранившая по сей день советское название «Наследие Ильича». Засаду мы устроили в лесу, вдоль достаточно широкой, пригодной для проезда автотранспорта дороги. Не попрутся же подельники Ахмата через здоровущий пустырь, порядком заболоченный и открытый цепким взорам любопытных сельских дам преклонного возраста, перебивающихся с черного хлеба на картошку и, естественно, не питающих добрых чувств к маленькому дворцу иноплеменников, выросшему словно на дрожжах на фоне их лачуг…

Там же, в лесу, я усадил на деревья двух ребят со снайперскими винтовками, одного с прожектором и приказав им (по моему сигналу) ликвидировать не привязанных, бродящих по двору собак.

Все предварительные расчеты оказались верны. Вскоре после наступления темноты на дороге появился первый диверсант, некий Мовсар Рустамов. Не успев ни опомниться, ни оказать сопротивления, он очутился в теплых объятиях оперативников. Ошалевшего Мовсара с ходу подвергли блицдопросу под угрозой немедленной кастрации и, таким образом, подтвердили уже имеющуюся у нас информацию, в том числе код открытия ворот. Затем с промежутками в семь-восемь минут точно так же сцапали оставшихся четве-

рых. Дальше, по сценарию, надлежало уничтожить овчарок, аккуратно проникнуть в усадьбу и постараться взять живым Ахмата. А на случай осечки (если он заранее почувствует неладное и попытается отстреливаться из окон) «ослепить» его прожектором.

Я поднес к губам «Кенвуд», намереваясь отдать команду стрелкам, и… внезапно изменил первоначальный план. Недавно три ночи подряд мы с Логачевым отрабатывали психологическое воздействие на стаях бродячих псов и кучах человеческого отребья, грабящего и издевающегося над запоздалыми прохожими. Получалось у меня совсем неплохо, и вот сейчас я подумал: «А зачем попусту губить несчастных животных? Они же не виноваты, что принадлежат террористу и убийце. Попробуем-ка по-другому».

– Третий, четвертый, – обратился я к стрелкам по рации. – Прежнее задание отменяется. Стрелять по окнам, если оттуда откроют огонь. Вопросы?

– Нет… нет… – глухо донеслось из «Кенвуда».

– Седьмой, свет во двор, – продолжил распоряжаться я, – чтобы был как на ладони!

– Не понял! – удивился тот. – А как же…

– Выполнять! – резко оборвал я подчиненного.

– Есть, – не слишком охотно прозвучало в ответ.

Вспыхнувший прожектор залил двор ярким светом.

– А всем остальным действовать строго по моей команде или… Хотя нет, «никаких или». Ясно?!

Дождавшись подтверждений от оперативников, я сунул «Кенвуд» в карман «разгрузки», подошел к воротам, набрал на замке код и очутился во дворе усадьбы. Стая уже сгруппировалась для нападения. Впереди, вздыбив шерсть на загривке, стоял Волк, изготовившийся к нападению. Еще секунда и…

– Назад, – негромко приказал я и, сконцентрировав волю, пристально посмотрел в горящие зеленым огнем глаза вожака. Пес вздрогнул, попятился, шерсть на загривке постепенно опала. Мускулистое тело заметно расслабилось. Я продолжал давить его неотрывным тяжелым взглядом. Зеленый огонь потух, сменившись откровенным страхом, и… Волк отвел глаза.

– Иди сюда.

Медленно, неуверенно вожак двинулся ко мне, а стая замерла, поджав хвосты.

– Хороший песик, – когда он приблизился на достаточное расстояние и остановился, виновато поскуливая, произнес я по-чеченски. – Дай лапу.

Пес повиновался.

– Молодец. Отныне **я** твой хозяин. – Я почесал овчарку за ухом. – Понятно?!

Волк порывисто облизал мою руку, тем самым как бы говоря: «Ну, разумеется ты! Какие могут быть вопросы?!!»

– А теперь позови остальных, – я слегка кивнул в сторону замерших в ожидании собак.

Волк коротко рыкнул, и стая моментально стала по бокам от меня, готовая растерзать любого, на кого укажет новый хозяин.

– Аллах милосердный! Да что же тут творится?! – испуганно пробормотал осипший голос. На пороге дома, белый как мел, застыл Ахмат со «стечкиным» в трясущейся руке.

– Бросай оружие, Исрапилов, и останешься жив, – холодно посоветовал я. – Иначе тебя порвут на части твои бывшие псы.

В подтверждение моих слов Волк весь подобрался, изготовившись к прыжку и лишь дожидаясь команды «Фас!».

Стая тем временем быстро, сноровисто взяла Ахмата в полукольцо.

– Ал-лах! – дрожащими губами повторил он, безвольно выронил пистолет и опустился на колени, положив руки на затылок.

– Контролируй, – бросил я Волку, достал из кармана «Кенвуд» и велел оперативникам заходить в усадьбу…

После завершения операции, возвращения в Контору и передачи пленных начальству ко мне явился в кабинет Логачев, взглядом смел с дороги секретаршу и бесцеремонно растолкал вашего покорного слугу, пристроившегося покемарить на диване в комнате отдыха.

– Молодец, грамотно сработал, – игнорируя мой возмущенный взор, похвалил он. – Генерал Нелюбин велел передать тебе благодарность за Исрапилова.

– Рябов отдал его Борису Ивановичу? – хмуро и сонно осведомился я.

– Поделился, – хмыкнул Логачев. – Они допрашивали его вместе и… впрочем, неважно. В случае необходимости тебя обязательно введут в курс дела. А теперь хватит разлеживаться. – В голосе инструктора звучали знакомые металлические нотки. – Нам пора за дело. Сроки поджимают. Идем, Дмитрий. Сегодня займемся ядами, их распознаванием и противоядиями. – С этими словами Васильич схватил меня за руку и утащил на очередную тренировку…

– Не помешаю? – прервал мои воспоминания нежный голосок секретарши.

– Гхе, км, – уставившись на ее гладкие, загорелые ноги, смущенно закашлялся я. – Гм, кхе-кхе… А чего ты, собственно, хотела?

– Да так, скучно там в приемной. Сейчас обеденный перерыв, но я на диете, в столовую не хожу… Ой! Шпилька из волос выпала!

Она гибко нагнулась. Короткая юбка приподнялась, продемонстрировав значительную часть голой, упругой попки.

«Точно соблазняет! – утвердился я в первоначальном мнении. – И… достаточно давно. – Я припомнил поведение Вики за истекший месяц. – Да, действительно, день в день с начала занятий у Логачева. Но тогда мне было не до нее. Васильич все соки из меня выжимал. Кроме работы, я о двух

вещах мог думать – о сне да о еде. А девчонка старалась изо всех сил. И так, и сяк, и эдак… И небось страшно удивлялась моей непонятной холодности. Ведь с подачи сверх ревнивой и болтливой Клавдии конторские дамы считают меня неисправимым бабником, готовым плюхнуться в постель с любой смазливой «киской». А тут вдруг не замечаю столь откровенных намеков редкостной красотки. Чудеса!!! (Мои тренировки с Логачевым держались в строжайшем секрете. О них, кроме нас с Васильичем, знали только Нелюбин и Рябов).

Кстати, раньше Вика вела себя гораздо приличнее, стриптиз не устраивала, а использовала обычные женские приемы. И лишь последние два-три дня стала применять крайние средства. (Вероятно, с отчаяния.) Бедняжка!.. А нравится ли она мне?!. Еще бы!!! Такая прелесть! Да за ней любой нормальный мужик побежит на край света сломя голову!!!»

– Вы заболели? – вставив шпильку обратно в прическу, вдруг в упор спросила девушка.

«Ага! Намекает на раннюю импотенцию! – больно долбануло по самолюбию. – Да я же тебя, милашка, способен до полусмерти уработать!»

– Может, примите «Виагру»? – в синих глазах блеснули слезы. – Я достала настоящую, высококачественную, специально для Вас!

«Ну-у-у это уже ни в какие ворота не лезет! Боже, позорище-то какое!!!»

– «Виагру», говоришь, – хрипло сказал я, поднимаясь из-за стола. – Дверь в приемную заперта?

– Да!!! – слезы мгновенно высохли, сменившись радостным ожиданием. – А звонки со служебного номера я переадресовала на свой мобильник.

– Закрой кабинет… тоже!

Девушка щелкнула замком и одновременно, другой рукой, распахнула блузку на кнопках.

– Р-р-р!!! – хищно отреагировал я, подхватил Вику на руки и почти бегом отнес в комнату отдыха, к дивану.

– А как же «Виагра»? – слабо пискнула она.

– В унитаз спусти, – пробормотал я, подминая под себя податливое, горячее тело. – Нам эта хрень без надобности!..

Глава II

В подземелье пахло сыростью, пороховой гарью и свернувшейся кровью. Стены испускали призрачное голубоватое свечение, а с потолка, с намалеванной на нем пентаграммой, сочилась зловонная бурая жижа. По грязному каменному полу ползали ядовитые змеи, злобно шипели и время от времени кусали меня за ноги. Каждый раз по телу проходила длинная, мучительная судорога, однако я почему-то не умирал. Хотя, судя по общему количеству укусов, был уже нашпигован отравой по самую макушку. Я не знал, как именно сюда попал и сколько с того момента прошло времени: то ли час, то ли год, то ли вечность. Зато точно знал, откуда прибыл – прямо из собственной постели, где предавался любовным утехам с Викой Семиной. После вышеописанного случая в моем кабинете мы занимались этим делом регулярно, по три-четыре раза в день, но исключительно на работе. Ночи, невзирая на уговоры девушки, я предпочитал проводить один, дома. Вике подобный расклад очень не нравился. Она дулась, ворчала, называла себя «кабинетной подстилкой» и наконец вчера, в субботу, устроила мне сцену ревности, жалобно всхлипывая и причитая сквозь слезы:

– Не могу больше **так**! Я же не шлюха какая-нибудь, не для карьеры стараюсь, а просто тебя люблю и не хочу делить ни с кем!

– Ты и не делишь, – улыбнулся я. – Ты у меня единственная, ненаглядная и…

– Неправда! – заплакала красавица, трогательно вздрагивая обнаженными плечами… (Означенная сцена происходила в обеденный перерыв, по завершении занятия сексом на известном читателю диване)… – Ночи ты проводишь с Клавкой! У тебя небось уже вся квартира провоняла этой коровой!.. – выкрикнула старший лейтенант и, невзирая на мои попытки доказать безосновательность ее подозрений, горько зарыдала.

– Ну, хорошо, после работы поедем ко мне, – неохотно сдался я. – Ты же учуешь запах чужой женщины?

– Обязательно!

– Вот и прекрасно. Значит, сегодня же убедишься в моей невиновности. А завтра – выходной. И, если начальство не потревожит, проведем вместе весь день. Обед мне приготовишь, квартиру уберешь…

Девушка утерла ладошкой слезы, порывисто обвила мою шею руками и горячо прошептала:

– Ты чудо! Я тебя обожаю! И… и верю на сто процентов!!!

Невзирая на последнее утверждение, она, по прибытии ко мне домой, минут десять обследовала квартиру: настороженно втягивала ноздрями воздух, заглянула в ванную, под диван, в мусорное ведро. А потом сорвала с себя одежду и набросилась на меня с невиданной доселе страстью… Часа в два ночи утомленная, светящаяся счастьем Вика предло-

жила распить бутылку шампанского, которую, оказывается, принесла с собой. Я никогда не испытывал особенной тяги к спиртным напиткам. А после истории с Аллой Сибирцевой и трагической гибели Кости (см. «Шрафники»), преисполнился к ним (к напиткам) глубоким отвращением. Однако сейчас согласился, сам не знаю почему, и… в ту же секунду очутился в гнусном подземелье…

Очередная змея быстро проползла по ноге, по туловищу и изготовилась запустить жало в глаз. В последний момент я успел перехватить чешуйчатую гадину и с силой отшвырнул подальше от себя. Там, где она упала, поднялся сноп серного пламени и повалил клубами едкий дым. А когда он рассеялся, я, с невольной дрожью в поджилках, увидел капитана ФСБ Марину Загоруйко (агента чертовой Структуры). Смертельно раненную мною в живот в январе 2004-го и добитую выстрелом в затылок по ее же собственной просьбе (см. «Изгой»).

Загоруйко была одета так же, как тогда при нашей первой и последней встрече: в черные шерстяные колготки и полупрозрачную блузку без лифчика. (Она погибла на конспиративной квартире Структуры, куда привел меня провокатор Рудаков.)

Следы моих пуль на теле отсутствовали, но все равно – выглядела она ужасно! Обугленное до костей лицо, багровое пламя в пустых глазницах, оскаленный безгубый рот, а вместо волос – длинные шевелящиеся хвосты многочисленных

белесых червей. В руке Марина сжимала увесистую раскаленную кочергу.

– Классно ты, сволочь, попался! – с ненавистью прошипела она. – Отлились волку овечкины слезки!

– Это ты-то овечка?! – возмутился я. – Ты детей убивала, ведьма проклятая! А теперь по заслугам в Преисподней жаришься! И физиономия обгорела, и неусыпающий червь (вернее, черви) тебя гложут, и…

– Замолчи! – яростно взвизгнула покойница (видимо, припомнила остальные адские процедуры). – О себе лучше побеспокойся! Для тебя ад начнется ещё здесь, на Земле, а пока… – она широко размахнулась кочергой.

– Господи Иисусе, помоги!!! – торопливо перекрестившись, прошептал я.

Агрессивная нежить с воплем провалилась сквозь пол, а на ее месте возникла Оксана (она же Виктория Антонюк), с бледным печальным лицом, одетая в окровавленный, изодранный пулями плащ. Моя бывшая любовница, провокаторша и «подстава», но не добровольная, а просто чеченская рабыня, работавшая на них под угрозой расправы с оставшейся в Ивано-Франковске семьей. В начале сентября 2003-го она по приказу хозяев-наркоторговцев заманила меня в ловушку (см. «Оборотни в погонах»), которую я, по счастью, вычислил и благополучно ухлопал засевших там врагов. Но Антонюк я убивать не стал (пожалел несчастную, запутавшуюся девчонку) и даже попытался спасти. Но не получилось.

При отходе из дома-западни мы нарвались на чеченскую группу быстрого реагирования… (Ей же, дурой, вызванную, опять-таки из страха.)… И Оксана-Виктория угодила под автоматную очередь. А вышеуказанную группу я в сердцах поголовно уничтожил…

– Здравствуй, Дима! – тихо произнесла девушка. – Прости за прошлое!

– Давно простил, – вздохнул я и поинтересовался: – Ты тоже в аду?

– Да уж понятно, не в раю, – грустно ответила она. – Но, слава Богу, не в том кошмарном месте, откуда прибыла предыдущая гостья. Мне оставили надежду на прощение, правда… неизвестно когда. А теперь – скорее просыпайся! Тебе угрожает страшная опасность!

– Какая?

– Просыпайся!!! – настойчиво повторила Антонюк и растаяла в воздухе.

А вокруг меня и со мной самим начало твориться черт-те что!

По подземелью заметался пыльный вихрь с выглядывающими из него бесовскими рожами.

– Не выпустим!!! Не дадим!!! Оставайся здесь!!! – злобно хрюкали они.

Змеи на полу собрались вместе и скопом бросились на меня, безжалостно жаля в самые разные части тела. Ноги начали постепенно затягиваться в пол, словно в болотную тря-

сину. Сзади на плечи уселась громадная ворона и принялась долбить затылок. Я попробовал стряхнуть змей, но не смог. А ноги продолжали увязать все глубже. На глаза навернулись слезы отчаяния.

– Помолись! – прозвучал в ушах голос покойной матушки.

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежит от лица Его, ненавидящий Его, – начал с усилием выдавливать я.

Заполошно каркнув, ворона улетела, змеиных кусов стало гораздо меньше. Затуманенная болью голова прояснилась.

– Яко исчезает дым да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако погибнут, беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением и в веселии глаголющих: радуйся Пречестный и Животворящий Кресте Господень, – приободрившись, продолжил я.

Змеи пропали вовсе, увязание прекратилось, а упомянутые бесовские рожи исказились в гримасах панического ужаса.

– …Прогоняй беси силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшего силу диаволю, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата.

Вихрь вместе с рожами исчез. Ноги вновь обрели под собой твердую почву, а слова молитвы стали даваться легко, свободно.

– О Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святой Госпожей Девой Богородицей и со всеми святыми во веки. Аминь, – твердым голосом закончил я и… открыл глаза.

В комнате с плотно зашторенными окнами царила кромешная тьма. Светящиеся электронные часы на стене показывали половину третьего ночи, а также дату – 24.12.2006. Ватной, вялой рукой я пошарил по простыне. Красавицы Вики рядом не было. Тут я окончательно пришел в себя и понял – мне очень и очень плохо! В чугунной голове неровными толчками пульсировала кровь. Сознание плавало, норовило ускользнуть. В пересохшем рту ощущался едкий привкус. Сердце судорожно колотилось в груди, а разбитое тело сковывала болезненная, неприятная истома, и оно (в смысле тело) слушалось хозяина с большой неохотой. Титаническим усилием воли я удержал зыбкое сознание и заставил его сконцентрироваться.

«Отравление психотропным препаратом, – просочилась в голову первая отчетливая мысль. – Не иначе Викуша-стерва в шампанское подсыпала… Отраву я не почувствовал, хотя выпил два, нет, три глотка, а потом отрубился… (Одновременно с концентрацией сознания полностью вернулась память)… А предварительно, по вдолбленной Васильичем привычке, украдкой осмотрел, понюхал и попробовал на язык содержимое бокала. По вкусу, по запаху, по цвету, по количеству пузырьков и по ряду других признаков шампан-

ское казалось абсолютно нормальным. Значит, скорее всего, это «…». Хитрая штуковина! Обнаружить ее в крови весьма проблематично. Редкий эксперт на такое способен… И очень мощная! Господь очередное чудо явил. По идее я должен был валяться бесчувственным бревном еще несколько часов. Да-а-а, история повторяется. В 2003-м молитва Честному Кресту сожгла пси-генератор, которым меня, спящего, обрабатывали на расстоянии(см. «Депутат в законе»). А сегодня, вопреки законам физиологии, вернула в реальность, спустя всего полчаса после отравления «…». Сказать такое медикам-атеистам – на смех поднимут. Ну да шут с ними, с идиотами… Итак, значит, «…». По симптомам – стопроцентно оно!..

С огромным трудом я дотянулся до кнопки торшера, зажег свет, осмотрелся и прислушался. Коварная секретарша в комнате отсутствовала, а в квартире стояла могильная тишина, нарушаемая лишь редким капаньем воды из прохудившегося крана на кухне. «Куда-то ушла, зараза, но времени в обрез, – подумал я. – Скоро должно начаться то, ради чего меня опоили «…». Дай Бог успеть привести себя в норму!!!»

Мысленно читая православные молитвы, я до предела напряг волю, с грехом пополам поднялся на подгибающиеся ноги, шатаясь, добрел до шкафа, достал из потайного ящика коробку с противоядиями, отыскал нужное, положил в рот три капсулы, запил водой из вазы с цветами и тяжело облокотился о стену. Прошло две минуты, показавшиеся мне дву-

мя столетиями, и в тело начали возвращаться силы. Хрипло переведя дыхание, я утер взмокшее от пота лицо, оделся, сунул за пояс «ПСС», на ногу и за спину пристроил крепления с боевыми ножами, надел инфракрасные очки и, выключив торшер, осторожно обследовал квартиру. Никого! Зато на вешалке в прихожей я обнаружил дамскую сумочку Семиной и ее дубленку. (Под конец декабря полуосень-полувесна все-таки сменилась слабенькой зимой.) Стало быть, голубушка отошла недалеко, ненадолго и вот-вот вернется… с подельниками и с «сюрпризом». Ладно, встретим их должным образом, однако подмога не помешает. «Береженого Бог бережет», – как любил говаривать покойный генерал Марков. Мои домашний и сотовый телефоны однозначно прослушиваются неприятелем. Но не беда. К счастью, есть запасной вариант, о котором они наверняка не знают. Из тайника за вешалкой я вынул спутниковую «мобилу», оставленную мне в подарок Нелюбиным по завершении летней командировки в Чечню (см. «Штрафники») и, недолго думая, набрал номер Логачева.

– Слушаю, – после пятого гудка сонно отозвался разбуженный Васильич.

Я коротко обрисовал ситуацию.

– Скоро будем. Держись, – лаконично ответил он и дал отбой.

Вернувшись обратно в комнату, я изготовил из одеяла муляж спящего человека, спрятался за свисающими до полу

шторами и слегка раздвинул их, оставив узкую щель для наблюдения.

Вскоре в прихожей щелкнул отпираемый замок, и я услышал три негромких голоса: два мужских, один женский. Последний принадлежал Вике.

– Заносите. Он спит в комнате, – сказала Семина.

– Ты его надежно усыпила? Не проснется в самый неподходящий момент? – С изрядной долей опаски спросил первый мужик.

– А то, знаешь ли, нарвемся на неприятности, мягко говоря, – добавил второй.

– Не беспокойтесь! – самодовольно хохотнула «единственная, ненаглядная». – Я подсыпала ему в бокал тройную дозу. Будет валяться пластом до позднего утра. Это с учетом железного здоровья и необыкновенной живучести моего дорогого начальника.

– Железного здоровья? – усомнился «первый». – Да его же ранили несчетное количество раз. Кроме того, Корсаков дважды перенес клиническую смерть.

– И тем не менее, – хихикнула Вика. – Да, шкура у него действительно вся в шрамах, как у бойцовского пса. Но в постели он затрахивал меня едва ли не до потери пульса – сам практически не уставая. Кроме того, я видела результаты недавнего медицинского обследования полковника. Там черным по белому написано – «Абсолютно здоров. Ни одна из прежних ран о себе не напоминает».

– Круто! – подивился «второй». – Однако теперь ему никакое здоровье не поможет… И не понадобится, – после короткой паузы добавил он. – Ладно, хорош болтать, пора дело делать.

– А я пойду, пожалуй, – бормотнула Семина. – Моя миссия закончена.

– Ошибаешься, дорогуша! – прошипел «первый». – Она попросту вступает в завершающую фазу!

– В смысле? – удивилась Вика. – Неужели вы вдвоем не справитесь?

– Ты не поняла, – шипение «первого» сделалось похожим на гадючье. – О вашей связи знают слишком многие. Тебя обязательно допросят и наверняка расколют, невзирая на особенность твоего организма. И нас «попалишь», и все труды псу под хвост… К тому же две жертвы сексуального психопата – гораздо лучше, чем одна… Бац… шлеп, – судя по звукам, он с силой ударил секретаршу в лицо, и злосчастная приманка без сознания плюхнулась на пол.

– Пошли, – буркнул «первый».

В комнате появились две широкие фигуры в инфракрасных очках. Одна несла на плече большой мешок. Другая бесцеремонно волокла под руки бесчувственную Вику.

– Клади главную героиню на пол, – распорядился «первый», пристегивая Семину наручником к батарее и запихивая ей в рот резиновую «грушу»-кляп. – Да, еще свет включи. Согласно инструкции девчонку надо зверски изнасило-

вать перед смертью. А в потемках, знаешь ли, как-то неинтересно.

Я снял инфракрасные очки, положил их в карман, и в следующую секунду под потолком вспыхнула неяркая, запыленная люстра, осветившая двух бугаев в кожаных пальто, прикованную к батарее Вику, с набухающим под глазом, огромным синяком. А также черный пластиковый мешок на молнии и поставленный около него небольшой саквояж. (Очевидно с «орудиями труда» и прочими, необходимыми для провокации предметами.)

– Дрыхнет! – глянув на муляж, удовлетворенно констатировал похожий на обезьяну тип, стоящий рядом с выключателем.

– С головой накрылся… странно, – задумчиво молвил старший из злодеев: саженного роста, черноволосый, с неприятным лицом. – Ну-ка, разверни его, Олег.

«Обезьяна» косолапо двинулся к кровати. Не дожидаясь результатов проверки, я выскочил из укрытия и молча набросился на незваных гостей. Черноволосый выхватил нож, коротко взвыл от боли в сломанной руке и, получив локтем в челюсть, рухнул как подкошенный, гулко ударившись башкой о плинтус. Пока он падал, я успел достать второй ногой в болевую точку на туловище. Страшный спазм скрутил его, как выжатую половую тряпку, и извивающегося, немого бросил на пол рядом с подельником. На все про все ушло от силы две секунды, хотя противники (как выяснилось поз-

же) были опытными, высококлассными рукопашниками. В прежние времена я бы, пожалуй, все равно с ними справился, но в процессе попотел бы изрядно и разжился как минимум несколькими синяками, ушибленными или сломанными ребрами и т. д. А сейчас сам почти не заметил, как наглухо вырубил обоих. Тут, несомненно, сыграли свою роль занятия с Логачевым и… регулярно проводимые им спарринги-«наказания». Боевая практика с мастером **такого** уровня – великая вещь! Тем паче после каждого поединка (кроме последнего) Васильич досконально объяснял, каким именно способом он уделал вашего покорного слугу, и дважды (иногда трижды) демонстрировал означенный способ в замедленном темпе. Школа, конечно, жестокая, но на редкость эффективная!!!

Вика застонала, открыла здоровый глаз и уставилась на меня, как на некое сверхъестественное существо.

– Не ожидала, тварь?! – презрительно усмехнулся я. – Подвел тебя порошочек-то!

– Му-у-ы-ы-ы-ы!!! – дергая прикованными к батарее руками, громко, отчаянно замычала она. Надо думать, просила освободить руки, расклеить рот и дать ей возможность вновь запудрить мне мозги.

– Молчать, скотина, – давя провокаторшу тяжелым взглядом, спокойно произнес я. – Сидеть смирно, не издавать ни звука. Ослушаешься – сделаю очень больно. Вон как ему, – я указал пальцем на извивающуюся в безмолвных муках «обе-

зьяну».

Семина мгновенно заткнулась. В незаплывшем, красивом глазу отпечатался животный страх. Я равнодушно отвернулся от нее, связал поверженных врагов подручными средствами – черноволосого стандартным спецназовским способом при помощи бельевой веревки, а обезьяну стулом, – раскрыл принесенный ими саквояж и покачал головой: «Да-а-а! Подготовились они капитально!» В саквояже находились:

1. Мой собственный горский кинжал-трофей, постоянно висевший на стене служебного кабинета и хорошо известный множеству сотрудников Конторы. (Не иначе Вика-змея сперла перед поездкой ко мне домой.)

2. Колба со спермой. (Судя по всему, с моей.)

3. Отпечатки пальцев в соответствующей упаковке.

4. Две пары резиновых перчаток.

5. Мясницкие фартуки.

И, наконец, четыре новенькие, нераспечатанные пачки презервативов – для зверского изнасилования «главной героини».

«Паскуды! Уроды моральные! – со злостью подумал я. – Собирались выставить меня кровавым маньяком-убийцей, как подручные оборотня Апраксина, весной 2005-го (см. «Город мёртвых»). Но на сей раз подстава подготовлена куда более грамотно! Неопровержимые улики – моя сперма во влагалище жертвы, многочисленные отпечатки пальцев на истерзанной плоти, а также на орудии убийства, принад-

лежащем вашему покорному слуге и давно намозолившему глаза большинству сослуживцев. Плюс лошадиная доза «…». Подвергнутый наркодопросу, я бы заявил: «После занятий сексом с Семиной ничего не помню, провал в памяти». В лучшем случае поведал бы о страшном подземелье, жарящейся в аду капитане Загоруйко (убитой, между прочим, мной) и прочих бесовских наваждениях. Провокаторшу-Вику они бы прикончили, и все! Концы в воду! А далее – тайная тюрьма Аппарата внутренних расследований, «разбор полетов» группой компетентных товарищей и смертный приговор. Скорее всего, «Всероссийский розыск». «Не вернулся с задания» или «Несчастный случай» – слишком легкая смерть для подобного выродка!(подробнее об этих вещах см. «Штрафники»). Правда, Рябов с Нелюбиным наверняка бы вмешались, напомнили «компетентным» о былых заслугах выродка, о двух звездах Героя России, и, быть может, полковника Корсакова в виде величайшей милости не сожгли бы заживо, а отправили в фээсбэшную психушку закрытого типа – доживать остаток дней в специальной палате-одиночке для особо опасных. Тоже не велика радость! Там бы меня быстро закололи всякой гадостью и превратили в настоящего психа или просто в «растение» посредством лоботомии…

Из мешка донесся слабый стон.

Оторвавшись от мрачных мыслей, я поспешно расстегнул молнию и… обомлел. Внутри находилась пятнадцатилетняя

Ирочка – старшая дочь начальника Управления генерала Рябова! С заклеенным скотчем ртом, с зажмуренными глазами, одетая в кожаную курточку на лисьем меху, обтягивающие джинсы и декоративные унты. (Последняя молодежная мода.)

Девочка была без сознания…

Н-да уж, весело! Враги оказались гораздо коварнее, чем я предполагал. При **таком** раскладе – никакого заступничества со стороны убитого горем, опозоренного отца. Только кремационная печь! Без вариантов!!!..

Глава III

Застелив постель, я бережно уложил на нее Иру и попробовал привести ее в чувство, легонько похлопывая по щекам и пощипывая за мочки ушей. Через пару минут девочка открыла затуманенные глаза.

– Лунный Тигр, ты здесь, – счастливо улыбнувшись, прошептала она. – Слава Богу! А то мне такой ужас снился, – и снова впала в забытье.

– Чем опоили девочку?! Колись, ведьма!!! Иначе сдохнешь под пытками!!! – вытащив у Вики кляп, прорычал я.

– Обыкновенное снотворное… Вкололи в шею… Сама скоро очнется!.. По замыслу организаторов, она должна быть в сознании в процессе… изнасилования, – заикаясь, залепетала перепуганная провокаторша. – А я… Я не виновата… Клянусь! Меня заставили, вынудили… и…

Засунув кляп обратно, я прервал излияния Семиной и угрюмо пообещал:

– Тобой, стерва, займемся позже. И если наврала насчет «обычного снотворного» – пеняй на себя. Небо с овчинку покажется!!!

Вика замычала и замотала головой, как бы доказывая собственную правдивость.

Отвернувшись от нее, я уселся на стул и тяжело задумался.

Ничего не скажешь – расчет блестящий! Осенью 2006-го девочка втюрилась в меня по уши (см. «Операция Аутодафе») и до сих пор не успокоилась. После спасения Иры от «клубных авторитетов», а потом (спустя несколько часов) от сатанистов из организации «Эпоха Гора», я четырежды бывал в гостях у Рябовых, каждый раз ловил на себе влюбленные взоры дочери шефа и однажды в коридоре выслушал сбивчивое признание. Сам Владимир Анатольевич тоже знал о чувствах Иры… (От такого профи не скроешься)… украдкой прочитал ее дневник и, улучив момент, провел со мной длительную беседу, начав (заметно смущаясь) издалека. «Хватит, Дима, холостяком жить… Нет, нет, спешить разумеется, не надо! Но со временем, года через три… и т. д. и т. п.» Минут двадцать генерал ходил вокруг да около, прятал глаза, вздыхал, кряхтел, но наконец не выдержал, махнул рукой и выложил правду-матку: «Дочь по тебе с ума сходит! И, похоже, это у нее всерьез, надолго. Уж я-то чую отцовским сердцем! Хорошо, что предмет ее воздыханий **ты**! Другой бы… мерзавец какой-нибудь… мог бы… ну сам понимаешь! Но тебе, Дмитрий, я полностью доверяю. Ты человек честный, порядочный! Давай так – подождем до совершеннолетия Ирочки, а там… там видно будет! Согласен?!»

Я утвердительно кивнул. Начальник Управления облегченно вздохнул и умело перевел разговор на другую тему…

А теперь, как говорят на Кавказе, «вернемся к нашим баранам». Провокаторы, несомненно, знали об увлечении

Иры и, как пить дать, выманили ее из дома «предметом воздыханий». Например, позвонили по телефону «моим голосом». Она, дурочка, выскочила на улицу как ошпаренная, получила усыпляющую инъекцию и очутилась в мешке. Впоследствии, при разбирательстве, «компетентные» прослушали бы запись звонков Рябову за последние несколько суток и… сфабрикованный голос стал бы дополнительным, решающим доказательством моей виновности. А сценарий у них (в смысле у врагов) выглядел приблизительно так: «Гнусный, спятивший маньяк, «кувыркался» в постели с секретаршей. (Экспертиза подтвердит.) Затем она ему надоела, и чудовище возжелало новых, острых ощущений. Оно избило надоевшую любовницу, приковало её к батарее и отправилось за «свежачком», за пятнадцатилетней дочкой своего начальника, питавшей к нему (к чудовищу) нежные чувства. Исчадие ада привезло наивную девочку к себе в берлогу, зверски изнасиловало, растерзало и убило. А отвергнутую любовницу, дабы не мешала «развлекаться», тоже прикончило. (Скорее всего, перерезало горло.) Потом, насытив дьявольскую похоть, монстр завалился спать в окружении окровавленных останков. Не иначе эти гады местами образованные. Читывали небось про похождения недоброй памяти барона Жиля де Ре и решили уподобить ему вашего покорного слугу. Неплохая, кстати, аналогия для «компетентных товарищей». И тот и другой храбро сражались в прошлом, а дальше – вон как оно вышло с обоими!..

Впрочем, я отвлекся. К утру кровь просочилась бы сквозь пол (перекрытия в нашем доме старые, изношенные) и начала бы капать с потолка у соседей этажом ниже. Ночью они слышали долгую подозрительную возню в моей квартире, начали подозревать недоброе, и когда увидят кровь, спешно вызовут милицию. А та передаст меня в «нежные объятия» Аппарата внутренних расследований ФСБ. С ног до головы увешанного доказательствами собственной вины…

– Б-р-р!!! – я передернулся в ознобе, вытер со лба холодный пот, и в следующую секунду в дверь осторожно постучали.

Заглянув в телескопический глазок, я увидел на лестничной площадке Васильича, а также четверых крепких мужчин с каменными лицами, одетыми в одинаковые черные пальто. Оружия ни у кого видно не было. Кобуры выпирают из-под одежды только у «чайников», а эти, как я сразу почувствовал, являлись матерыми профессионалами.

– Ты как? – едва я открыл дверь, шепотом осведомился Логачев, не дожидаясь ответа, приподнял пальцем мое веко, внимательно осмотрел глазное яблоко, проверил пульс на шее и спросил: – Капсулы принимал?

– Да.

– Сколько?

– Три.

– Гм. Вообще-то, правильно, но… недостаточно, – покачал головой Васильич, – «…» препарат коварный. И даже

после принятия противоядия способен сыграть с тобой злую шутку. Необходимо полностью очистить от него кровь. Я же тебя учил. Эх ты! Троечник! – с этими словами Логачев вынул из кармана шприц-тюбик, бесцеремонно задрал на моей руке рукав и ловко сделал укол в вену.

– Подействует через пару минут, – напомнил он. – Тогда отправишься в ванную и… Впрочем, теорию ты знаешь, а сегодня, считай, у тебя «лабораторная». Давай показывай добычу. Или гости еще не прибыли?!

– Тут они, – вздохнул я и добавил обиженно: – Никакой я не троечник. Про очистку крови все прекрасно знаю, но времени на нее не было.

– Ладно, не дуйся. Шучу! – добродушно проворчал Васильич, первым вошел в комнату и задушенно ахнул: – Боже Милостивый! Дочка Рябова! Так вот кого они решили выставить твоей жертвой!.. Что с ней?!! Почему без сознания?!!

– Семина сказала снотворное. Вскоре, дескать, сама очнется, – лицо Логачева вдруг поплыло и раздвоилось.

– Как спрашивал?! – недоверчиво сощурил он оба левых глаза.

– Психологически… надавил, – меня сильно шатнуло, тело внезапно ослабело, к горлу подкатила тошнота.

– Дуй в ванную, пока не поздно, – распорядился Васильич. – А с этой шалавой я сам потолкую…

Смысл последней фразы я разобрал с трудом, поскольку, заплетаясь ногами, уже вваливался в ванную. (Вернее, в

совмещенный санузел.) С грехом пополам заперев дверь, я трясущимися руками сорвал с себя одежду, бросил поверх нее оружие и… пошло-поехало. Первым делом меня вывернуло наизнанку (хорошо мимо унитаза не промахнулся). А дальше началось самое главное. Процедура, доложу вам, не из приятных. Вколотый Логачевым препарат добросовестно очищал мою кровеносную систему от «…» и прочих шлаков. **НО КАК!** Подробности описывать не буду (мне их просто вспоминать жутко!) Скажу лишь одно. Спустя неопределенный промежуток времени (то ли год, то ли два) я стоял на дне ванны в луже собственного пота, мокрый как цуцик и трясущийся в лихорадочном ознобе. Ужасно хотелось пить… Включив воду, я надолго припал губами к крану. Вылакав не менее трех литров, я наконец утолил терзающую нутро жажду, перевел дыхание и минут пять простоял под горячим душем, смывая с тела едкий, вонючий пот. Озноб постепенно прошел, ватное тело окрепло, самочувствие заметно улучшилось. Вытеревшись насухо махровым полотенцем, я оделся, снова вооружился, спрыснулся душистым одеколоном и вернулся в комнату. Судя по электронным часам на стене, я отсутствовал около сорока минут. Однако в комнате успели произойти значительные изменения. Ни Семиной, ни обоих убийц, ни подручных Логачева там уже в помине не было. Васильич сидел за столом рядом с очнувшейся Ириной и заботливо поил ее черным кофе.

– А вот и ты, Лунный Тигр, – завидев меня, расцвела

она. – Подсаживайся к нам!

Девушка выглядела вполне здоровой, хотя и усталой. На щеках теплился легкий румянец.

– Лунный Тигр! – скептически прищурился Васильич. – Ну-ну…

– А что такое?! – взъерошилась дочка шефа.

– Нет, нет, все нормально. Не надо выцарапывать глаза старому служебному псу! – в притворном страхе он прикрыл лицо руками, пружинисто поднялся на ноги и уже нормальным тоном обратился ко мне: – Давай «Тигр», отвези потерявшегося котенка домой. А затем не мешкая двигай сюда. – Логачев протянул мне бумажку с адресом. – Мой человек тебя встретит.

– Пленные? – лаконично уточнил я.

– Да. Тебе же надо получить **ВСЮ** информацию…

* * *

Указанный в записке адрес оказался ничем не примечательным офисным зданием в нескольких кварталах от Лукьянки. Я подъехал туда в двадцать минут седьмого, на полчаса позже, чем изначально рассчитывал. Передача Ирочки в руки плачущей от счастья матери затянулась надолго. Жена Рябова то, причитая, лобызала вновь обретенную дочь, то норовила напоить меня чаем… (И на фига, спрашивается?)… И, главное, ни в какую не хотела отпускать. Дочь,

между прочим, тоже. Вновь завела старую песню о «Лунном Тигре, спасителе юных девушек» (см. «Операция Аутодафе») и требовала, чтобы «Тигра» накормили до отвала. Нельзя ему, дескать, без усиленного питания. Я краснел, потел, невразумительно бормотал о неотложных делах, но ни та, ни другая не желали ничего слушать. Сам генерал в квартире отсутствовал, а посему не мог заступиться за подчиненного. (Вчера вечером он вылетел в срочную командировку в Питер.)

В конце концов помощь все-таки пришла, в лице десятилетней Олечки – младшей дочери шефа.

– Да отпустите вы человека! – не по-детски твердо потребовала она. – Неужто не видите, он страшно спешит! А вы сырость развели, за штаны ему цепляетесь. Не стыдно?!

– А? – ошалело вытаращились мои невольные мучительницы.

Воспользовавшись их замешательством, я пулей вылетел на лестницу и, перепрыгивая через три ступеньки, помчался вниз к ожидающей у подъезда машине…

У «офиса», косясь на часы, переминался с ноги на ногу один из недавно виденных мною подручных Логачева.

– Идемте, полковник, Вас ждут, – пробасил он, – о машине не беспокойтесь. За ней присмотрят.

– Да кому она нужна?! – презрительно фыркнул я, имея в виду свою неказистую, видавшую виды «девятку». – На подобную рухлядь ни один угонщик не позарится!

– Зато могут бомбу подложить, – невозмутимо возразил логачевец и повторил: – Идемте!

Вместе с ним мы зашли внутрь здания, миновали просторный холл с пустующим столом охранника и неработающим турникетом, прошли мимо двух кабин лифтов и по узкой лесенке спустились в полуподвал, до половины заставленный какими-то коробками.

– Минуточку, – подручный надавил ладонью на выступ в углу. Кусок стены бесшумно скользнул в сторону, открыв третью кабину, с виду ничем не примечательную.

– Прошу, – когда двери раздвинулись, вежливо предложил мой сопровождающий и, зайдя следом, нажал кнопку «-8». Других (без знака «-») на панели управления просто не было. Спустя секунды двери вновь раздвинулись, мы прошли метров двадцать по прямому выложенному плиткой коридору и уткнулись в пластиковую дверь в тупике, одного цвета со стенами, практически не отличимую от них.

– Прошу, – набрав на небольшом пульте комбинацию цифр, вновь повторил логачевец.

Дверь распахнулась, и в нос мне ударил тяжелый, смешанный запах горелого мяса, пота, каких-то медикаментов и человеческих испражнений. За дверью находилось обширное помещение, поделенное невысокими барьерами на пять отсеков разных размеров. В одном, дальнем, зловеще возвышалась работающая кремационная печь, в другом размещались четыре стальные клетки, в третьем стояли три оцинкованных

стола со специальными зажимами для рук и ног, четвертый представлял собой подобие комнаты с диваном, креслами, чайным столиком, видеодвойкой. И, наконец, пятый являлся точной копией средневековой камеры пыток, в углу которой виднелась массивная, чуть приоткрытая крышка канализационного люка… (Так вот откуда запах дерьма!)… В четвертом отсеке вольготно развалились в креслах полковник Логачев и генерал Нелюбин. А трое подручных Васильича аккуратно пристроились на краешке дивана, готовые в любой момент сорваться с места и выполнять приказы начальства.

В помещении было довольно многолюдно. Кроме людей вышеперечисленных, в клетках надрывно стонали и молили о пощаде три незнакомых обнаженных типа с чудовищно разбитыми физиономиями, с изъязвленными паяльником телами. На столах лежали «обезьяна» и «черноволосый» и словоохотливо отвечали на вопросы мужчин в белых халатах.

А в пыточной камере два мордоворота в мясницких фартуках молча прикручивали проволокой к железному «стулу» бьющуюся в истерике, обнаженную Вику…

– Присоединяйтесь к нам, полковник, – приветливо махнул рукой Нелюбин. Я уселся рядом с ним и удивленно посмотрел на бывшую любовницу.

– Мощное давление на психику. Первая фаза, – шепнул мне на ухо Борис Иванович. – Согласно секретному «досье» старший лейтенант Семина *нечувствительна к «сыворотке*

правды». По крайней мере, в привычном для Вас понимании. Так, пентонал натрия на нее не действует вовсе. Скополамин – очень слабо и т. д. Конечно, мы можем составить особый уникальный «коктейль», который проймет-таки нашу красавицу. Но, к сожалению, данный процесс займет несколько дней, а информация нужна немедленно!

– Она же еще тогда, на квартире сломалась, – так же шепотом заметил я.

– Не до конца, – возразил генерал. – Пока вы очищались в ванной от «…», Петр Васильевич провел с ней краткую беседу по специальной методе и убедился – эта ведьма невероятно хитра, изворотлива! Безумно любит себя «драгоценную», а посему даже под Вашим свинцовым взглядом способна утаить (или видоизменить) те факты, которые могут ей сильно повредить. Нам же нужна полная информация, исчерпывающая, без каких-либо пробелов и искажений… Так что попейте пока кофейку и, прошу Вас, не вмешивайтесь! – Нелюбин пододвинул ко мне вместительный термос и чистый пластиковый стаканчик.

Я налил себе кофе, закурил сигарету и принялся наблюдать за действом, именуемым на языке дознавателей «Тварь дрожащая». Суть его заключалась в следующем: если по каким-либо причинам не было возможности использовать психотропные препараты, то человека ломали морально, превращая его в безвольное, трясущееся существо, в котором запредельный ужас вытеснял все прочие мысли, чувства, во-

левые установки и заставлял откровенно отвечать на любые заданные вопросы. Иногда приходилось применять и физическое воздействие (проще говоря, пытки), но не в качестве основного аргумента, а как своеобразное дополнение к жесткому, психологическому прессингу. Срабатывало это, разумеется, не со всеми, а только если удавалось точно определить психотип «ломаемого» и найти в нем слабое звено.

В данном конкретном случае, коли Васильич правильно разглядел в Семиной безумную любовь к себе «драгоценной», мы могли не сомневаться в успехе. Зрелище, однако, предстояло не из приятных…

Мордовороты в фартуках тем временем крепко прикрутили Вику к упомянутому «стулу». По-прежнему молча притащили большую плоскую емкость с тлеющими углями, вязанку колотых дров и объемистую бутыль с маслом.

Первый, ростом повыше, принялся старательно раздувать угли, а второй, пониже, откупорил бутыль и плеснул немного масла на мокрое от пота тело.

– Что… Что вы собираетесь со мной делать?! – внезапно прекратив истерику, простонала Семина.

– Волосы будем удалять? – проигнорировав ее вопрос, обратился «высокий» палач к напарнику.

– Обязательно. А то быстро займутся, – поморщив узкий лоб, ответил тот и достал откуда-то из-под фартука допотопную механическую машинку для бритья новобранцев.

– Надо бы ножницами сперва, а то хреновина старая – с

корнем повыдирает, – с сомнением в голосе заметил «высокий».

– Брось дурью маяться, – презрительно сморщился «второй», – **настоящую** боль она испытает, когда «жаркое» делать начнем. А это – ерунда, цветочки.

– Товарищ генерал!!! Петр Васильевич!!! Дима!!! – до предела развернув шею в нашу сторону, закричала Семина. – Прекратите!!! Умоляю!!! На дворе двадцать первый век!!! Не будьте варварами!!!

– А изнасиловать и зверски растерзать пятнадцатилетнюю девочку – не варварство? – холодно осведомился Нелюбин. – А отравить соблазненного тобой человека, подвести его под «вышку» – верх цивилизованности? Если бы ваш план сработал, Корсакова отправили бы вон туда, живого. – Борис Иванович указал на отсек с кремационной печью и резко скомандовал: – Брейте! Пора переходить к основной части нашей программы!

Под аккомпанемент болезненных воплей, палач с машинкой усердно принялся за работу. В сторону полетели клочья волос, и, спустя минуты, от роскошной Викиной шевелюры не осталось и следа. Вопли сменились скулежом побитой собачонки. На наголо обритой, кровоточащей голове дико таращился круглый от ужаса, неповрежденный глаз.

– Раздвигай станок, – распорядился «высокий». Его напарник нажал на «стуле» какой-то рычаг и тот со скрежетом разложился в подобие койки.

– Спрысни, дабы не подгорела.

Семину щедро полили маслом из бутыли.

– Ну-у, приступим, – пыхтя от натуги, оба палача задвинули под «койку» емкость с раскаленными углями и потянулись за дровами.

– И-И-И-И-И-И!!! – от надрывного визга Семиной у меня заложило уши.

– Пожалуй, достаточно, – шепнул Логачев Нелюбину. – Она дошла до кондиции. Переборщим – сойдет с ума.

– Тогда за дело, – разрешил генерал.

Васильич знаком остановил палачей, прошел в пыточный отсек, склонился над «койкой» и, вцепившись в провокаторшу свирепым взглядом, начал грубо, отрывисто задавать вопросы…

Глава IV

– А кто те трое, в клетках? – спросил я Логачева с Нелюбиным, когда, получив записи наркодопросов «черноволосого», «обезьяны» и исчерпывающую информацию от «твари дрожащей», мы покинули мрачное подземелье и направились к лифту.

– Статисты, – лаконично ответил Васильич.

– ???!!!

– Наши ребята, загримированные должным образом и изображающие приговоренных к смерти, – пояснил он. – Дополнительный фактор психологического воздействия. По прибытии твоей ведьмы на место ей первым делом указали на них и сообщили: «Они будут заживо кремированы за преступления гораздо меньшие, чем твое. Пыточную камеру мерзавцы уже прошли, а сейчас ждут, пока печь освободится. То бишь «переработает» очередного клиента».

– И кого там жгли? – не унимался я.

– Не кого, **а что,** – усмехнулся Борис Иванович, первым заходя в кабину. – Всякий не нужный в хозяйстве хлам да четыре десятка дохлых крыс. Вчера на объекте проводили дезинфекцию, потравили газом поганых тварей. А то лезут и лезут из смежных катакомб. Буквально житья от них не стало!

– А Вику… правда… потом… поджарят?! – сам не пони-

мая почему, выдавил я.

Двери раскрылись. Нажатием ладони на известный читателю выступ, Нелюбин задвинул стену обратно, вывел нас с Логачевым из полуподвала, вызвал обычный лифт и лишь затем удостоил меня ответом.

– Нет, не сожгут. Семину с обоими подельниками мы собираемся предъявить организатору сегодняшней провокации для очной ставки. А дальше… дальше видно будет…

Кабина плавно взмыла вверх и доставила нас на пятый этаж в типично офисный коридор, застланный ковровой дорожкой.

– Прошу, господа офицеры, – генерал указал на незапертый кабинет возле окна. – Займемся анализом добытых нами сведений и, – он пристально посмотрел на меня, – не будем отвлекаться на посторонние разговоры. Времени у нас в обрез!..

Прослушка записей откровений «обезьяны», «черноволосого» и Семиной заняла около двух часов.

В итоге получилась весьма интересная картина. Организатором провокации оказался… известный читателю майор Евгений Федоров, не так давно выведший ФСБ на банду отморозков Ахмата Исрапилова. Как выяснилось, и он, и Семина принадлежали к тому самому противоположному полюсу в ФСБ, о котором говорилось в предыдущей повести. Причем Семина перешла в стан врагов сравнительно недавно – спустя пару дней после назначения моей секретар-

шей. Фёдоров выбрал её из той самой «серой массы», о которой я рассказывал ранее (см. «Пленных не брать»). И посулил за «мой скальп» большие деньги, а также стремительное продвижение по карьерной лестнице. Вика согласилась быстро. (Сомнения и колебания, в общей сложности, заняли минут десять.) И активно приступила к первой фазе операции, т. е. к соблазнению вашего покорного слуги. Конкретные подробности второй, завершающей фазы она узнала три дня назад, но особо не смутилась, а только потребовала увеличить в полтора раза размер денежного вознаграждения. Вот вам и «единственная, ненаглядная»! Жадна, бессовестна, безжалостна, хитра, изворотлива и… глупа как пробка! О том, что по завершении своей миссии она станет смертельной угрозой для работодателя, ослепленная блестящими посулами Семина даже не подумала. И еще – **о конечной цели затеваемой провокации она ничего не знала…**

Свет на данный вопрос пролили показания «обезьяны» и «черноволосого» – по паспорту Олега Сущенко и Валерия Удалова. В прошлом младшие офицеры спецназа Министерства юстиции, они были изгнаны со службы за чрезмерную жестокость, проявленную ими при усмирении беспорядков в одной из колоний для малолетних преступников. Изгнали обоих с позором, с «волчьими билетами», но без работы ни тот, ни другой не остались.

И почти сразу были зачислены в Службу Безопасности некоего господина Рюмашкина Альберта Артуровича – до-

вольно крупного предпринимателя и известного деятеля Союза Прозападных Сил. Так вот, на наркодопросе оба поведали: пять дней назад Федоров тайно встречался с Рюмашкиным в загородном особняке последнего. Там между ними состоялась беседа с глазу на глаз, после которой Сущенко с Удаловым вызвали в кабинет хозяина, где Рюмашкин отдал их на несколько дней в полное распоряжение Федорова… (подробности дальнейшей подготовки убийц моим подчиненным я опускаю. Итак, в общем-то, понятно.)… Конечную цель Федоров им не объяснял, но… Олег Сущенко старательно собирал компромат на хозяина в надежде когда-нибудь пошантажировать. А посему, тайно записал беседу Федорова с Рюмашкиным на диктофон и, после укола «сывороткой», слово в слово процитировал ее дознавателю.

Приведу краткую выдержку, непосредственно относящуюся к нашей проблеме:

Федоров. Значит, даешь двух надежных людей?

Рюмашкин (сыто рыгая). Даю.

Федоров (с долей сомнения). А они точно без комплексов? Не спасуют в последний момент?!

Рюмашкин(заходится сиплым хохотом). Эти крокодилы спасуют?! Гы-гы-гы!!! Не волнуйся, Женя. Они матерей родных на куски порвут без зазрения совести, не то что какую-то там девчонку!

Федоров (жестко). Не какую-то, а дочь генерала Рябова!

Рюмашкин. Извини, неправильно выразился. Кстати, од-

ного не пойму – к чему такие сложности? Не проще ли грохнуть этого… как его… полковника, да и дело с концом.

Федоров (мрачно). Грохнуть, говоришь? Многие пытались, да сами на Тот Свет отправились. Больше мы рисковать не можем. Дело слишком серьезное. Я же тебе говорил – у него есть очень опасный агент в диаспоре, способный раскрыть все наши планы. Других-то мы вычислили, нейтрализовали, но этот… (грязное ругательство)… нам не доступен. Знают его всего двое – сам Корсаков и генерал Рябов. Больше ни с кем из ныне живущих он не общается и общаться не будет. Он у них на прочном крючке, но **только** у них. А мы даже понятия не имеем, **ЧТО** данный крючок собой представляет… Так вот. После успешной реализации нашего мероприятия Корсаков навсегда выбывает из игры, а Рябову, хе-хе, будет не до агента. Убитый горем отец, оплакивающий дочь, зверски умученную его лучшим, любимым сотрудником. Тут в пору с ума сойти или разрыв сердца схлопотать! Ну а если не схлопочет – поможем. Есть надежные способы…

Рюмашкин (икнув). Понятно! И тогда нашему замыслу ничто больше не будет угрожать?

Федоров. Не будет! По крайней мере, внутри диаспоры…

– Ваше мнение, Дмитрий Олегович? – по завершении прослушивания спросил Нелюбин. – Но ради Бога, прошу Вас –

не прибедняйтесь! Не называйте себя никудышным аналитиком и так далее. Времени у нас в обрез!

– А на фига мне прибедняться? – проворчал я. – Расклад простой, ежу понятный и аналитиком быть совсем необязательно, – тут Нелюбин с Логачевым как-то странно переглянулись. – Они опасаются моего агента в чеченской диаспоре по прозвищу Эмир. Ну а дальше – элементарно. Вот смотрите, – я взял со стола лист бумаги, авторучку и быстро начеркал подобие схемы:

Чеченцы-доброхоты – Федоров – разгром банды отмороженных басаевцев – отсутствие подполья.

– Это по той версии, которую нам пытались всучить, – пояснил я. – А на самом деле, скорее всего, так, – я снова взялся за ручку.

Кто-то с Запада + Федоров (и его покровители) + СПС и прочая сволочь – затаившееся, копящее силы подполье – начало 2008 г. – расконсервация подполья и использование его для разжигания массовых беспорядков – бардак и хаос в стране – протаскивание к власти западной марионетки Козянова.

– Банда непримиримого Ахмата Исрапилова им здорово мешала, – продолжил я. – Поскольку вновь привлекала интерес к тому, что якобы уже не существует… до часа «Х». Потому ее и сдали с потрохами. А моего агента они боятся, так как Эмир (если его как следует прижать) способен дать нам надежную ниточку к затаившимся бандформированиям.

Я, признаться, еще перед захватом Исрапилова сердцем чуял неладное. Ну а теперь, благодаря новой информации, все стало на свои места, – проигнорировав осуждающий взгляд некурящего Васильича, я сунул в рот сигарету и щелкнул зажигалкой.

– Блестящее логическое построение! – похвалил Нелюбин. – Недаром Вас назначили начальником отдела.

– И отдали на воспитание Логачеву, – добавил я. – Вы же наверняка знали все заранее, а посему задумали сделать из меня неуязвимого терминатора для борьбы с «басаевским наследством». Между прочим, большое спасибо Петру Васильевичу! Если бы не привитые им навыки и знания… б-р-р-р, – я зябко поежился. – Даже думать не хочется о последствиях!

Логачев с Нелюбиным снова переглянулись.

– Вы не совсем правы, – мягко поправил Борис Иванович. – Вас готовили для выполнения особого, сверхсекретного задания далеко за пределами Н-ска. А о законсервированном подполье мы изначально знали не больше Вашего. Определенные подозрения, конечно, были, однако твердая уверенность возникла лишь после допроса Исрапилова, который сообщил: незадолго до поимки какие-то влиятельные люди настойчиво посоветовали ему «лечь на дно на пару лет», при полном сохранении прежнего финансирования. Совет был передан через капитана милиции Курекина, долгое время сотрудничавшего с террористами, снабжавшего их

информацией и различными документами. Однако горячий Ахмат счел подобное предложение изменой делу «Великого Джихада» и, не дослушав до конца, выгнал Курекина взашей. Мы немедленно послали людей арестовать оборотня, но… обнаружили его не просто мертвым, а уже и похороненным. По словам родных, капитан Курекин скончался от кровоизлияния в мозг, сидя на толчке у себя дома. Вскрытие подтвердило – смерть наступила от естественных причин. Странное совпадение, не так ли?! – генерал испытующе посмотрел мне в глаза.

– Знаем мы такие «совпадения»! – криво усмехнулся я. – Сам обучался им на Ваших курсах повышения квалификации. Продажного мента однозначно убрали! Либо «отсроченная смерть», либо «искусство отравленной руки».

– Проверка показала – покойный за последние два месяца ни с кем не дрался. Даже арестованных не избивал (по крайней мере, собственноручно), – вкрадчиво заметил Борис Иванович. – Правда, за два дня до смерти, он пожаловался коллегам на какого-то азиата, бесцеремонно толкнувшего его на улице. Дескать, «развели тут косоглазых, проходу от них не стало».

– Значит, «искусство отравленной руки», – уверенно заключил я. – На такую сволочь должно подействовать. Хоть бы он и считал себя православным!

– Курекин не крещеный, не верующий. Родители – кондовые коммуняки, дед с бабкой – «ленинская гвардия», – вме-

шался в беседу Логачев. – Извините, Борис Иванович, но о восточном мастере-убийце нам придется потолковать позже. А сейчас надо брать за жабры Федорова. Время-то половина одиннадцатого утра! Спектакль у дома Корсакова начнется через тридцать пять минут. Можно, конечно, немного отодвинуть…

– Не надо отодвигать! – генерал решительно поднялся из-за стола. – Дмитрий Олегович не на Таймыре живет. Успеем доехать…

* * *

За плотными заслонами с двух сторон гудела, потревоженным ульем, перекрытая улица. Вполголоса (но не переставая) ругались мрачные водители, застрявших в пробке автомобилей. По-сорочьи трещали, сбежавшиеся откуда-то, любопытные бабы, общим числом не менее трех десятков. Они безуспешно приставали с вопросами к молчаливым автоматчикам из оцепления и, не получив ответа, высказывали наперебой самые невероятные гипотезы, начиная со спецоперации по поимке главного городского торговца наркотиками и заканчивая… высадкой инопланетян на крыше. Из окон окрестных домов с интересом высовывались праздные граждане и громко обменивались мнениями по поводу происходящего. На отгороженном от остальной улицы пространстве перед подъездом стояли: милицейский автобус, две опера-

тивные машины, две кареты «Скорой помощи» и взахлеб давала интервью молодому корреспонденту в очках (подставному, естественно) моя соседка со второго этажа, тетя Аня (преклонного возраста, тучная дама со сверхбдительным оком и длиннющим языком). Она знала о жильцах дома всю подноготную (ну или почти всю), любила делиться добытыми сведениями с участковым и в настоящий момент, несомненно, ощущала себя на вершине блаженства.

– Просыпаюсь, а на потолке, прямо посередине, кровавое пятно расползлось… Огромное! Набухло все, и на пол из него капает. Жуть! Меня поначалу чуть инфаркт не хватил, – на одном дыхании тараторила она. – Ну, думаю, беда стряслась! Убили там массу народа. Не иначе! Я – валидол под язык и давай звонить в милицию…

Щеки тети Ани раскраснелись, глаза блестели, руки бурно жестикулировали, и она совсем не походила на нервную бедняжку, едва не схлопотавшую разрыв сердца от увиденного. С десяток настоящих корреспондентов и репортеров, не допущенных к столь ценному источнику, с черной завистью взирали на «коллегу»-счастливчика (одного из сотрудников Нелюбина), по-страусиному вытягивали шеи и до предела напрягали уши, пытаясь уловить хотя бы обрывки тетьАниной речи. (Пользоваться аппаратурой им категорически запретили.)

Между прочим, тетя Аня говорила чистую правду. Страшное пятно на потолке действительно имелось, и в ми-

лицию она звонила. Причем несколько раз. Правда, кровь была бычьей, а на пульте дежурного давно дожидался ее звонка человек Бориса Ивановича. Его же люди, под видом ментов и медиков, примчались на «место происшествия». И ажиотаж возле дома организовали по приказу генерала. В ведомстве Нелюбина умели с редкостным правдоподобием разыгрывать еще и не такие спектакли.(См. «Бросок кобры»).

А сегодняшнее лицедейство организовали, чтобы:

1. Оставить врагов в приятном заблуждении, будто бы их дьявольский план сработал «на отлично».

2. По-тихому взять Федорова, склонить к сотрудничеству… (способов-то ох как много!)… и при помощи этого засранца быстро, бесшумно нейтрализовать «наследство Басаева» и его нынешних хозяев.

Как говорится, простенько, но со вкусом!..

Пока же я, Нелюбин и Логачев расположились у меня в квартире. При помощи специальной аппаратуры наблюдали… (со звуком! В цветном изображении!)… за всем происходящим около дома и… с нетерпением дожидались прибытия злокозненного майора. Борис Иванович, большой знаток человеческих душ, однозначно утверждал – тот, под каким-либо предлогом, обязательно захочет полюбоваться на дело рук своих наймитов. Особенно на меня – раздавленного, ничего не соображающего, обвешанного неопровержимыми уликами и фактически уже не существующего. Тут-то

мы и собирались сцапать ошалевшего от изумления подонка. В связи с вышеизложенным, изображавшие ментов нелюбинцы получили приказ – не чинить Федорову препятствий по проникновению в квартиру. Лишь чуть-чуть поломаться для приличия и одновременно прицепить к нему крохотный, суперсовременный жучок…

Стрелки ручных часов Логачева перевалили за полдень. «Пора бы явиться, голубчику… Если, конечно, расчеты Нелюбина верны», – подумал я и, в следующий момент, за левым от окна заслоном возникла знакомая кряжистая фигура, с модельной стрижкой на непокрытой голове, в распахнутом пальто. К оцеплению Федоров подошел пешком. То ли прибыл общественным транспортом (ближайшая станция метро находилась в двух кварталах от моего дома), то ли оставил машину где-то в хвосте пробки.

– В чем дело? В этом подъезде на третьем этаже живет мой начальник, полковник Корсаков. С ним все в порядке? – услышали мы голос майора. С искусно разыгранным волнением он обращался к одному из «ментов»-автоматчиков с сержантскими лычками на погонах.

– Проходите, гражданин. Нам приказано не общаться с посторонними, – казенно ответил тот.

– Это я-то посторонний?! – возмутился Федоров. – На, читай! – он сунул под нос «сержанту» служебное удостоверение.

Переодетый нелюбинский сотрудник мастерски изобра-

зил на лице целую гамму чувств – злость, смятение, страх и, наконец, глубокую растерянность малограмотного простофили, попавшего между двух огней.

– Извините… У нас приказ… мы люди подневольные, – запинаясь, прокосноязычил он.

– Хорошо, – надменно фыркнул Федоров. – Вызови старшего. Того, кто отдал приказ.

С облегченным вздохом нелюбинец ухватился за рацию.

Спустя полторы минуты к заслону приблизился второй ряженый с погонами капитана, вежливо пригласил Федорова пройти внутрь оцепления и между ними состоялся оживленный разговор, причем слова майора звучали теперь гораздо ярче и отчетливее, чем у его собеседника.

– Прикрепили жучок, – сообщил мне Нелюбин, с интересом наблюдающий за монитором. – Вы успели заметить, **КАК** и **КОГДА**?

– Нет! Буквально мистика какая-то!

– Никакой мистики, а твоя обычная невнимательность, – желчно проворчал Логачев. – На всех тренировках тебя учили максимально сосредотачиваться, а толку…

– Перестаньте, Петр Васильевич, – прервал полковника генерал. – Заметить было практически невозможно. Работал профессионал экстра-класса! Я бы и сам ничего не понял, если бы не знал **кому именно** поручено обработать клиента… А Вы, вижу, не в духе?

– Верно, – сознался Логачев. – Ты извини, Дмитрий, зря я

на тебя сорвался! Просто настроение мерзопакостное да на сердце кошки скребут…

– Напрасно. Все идет чётко по плану. Деваться ему некуда! – бодро заявил Нелюбин.

Полковник вздохнул, с сомнением покачал массивной головой, но ничего не сказал.

Беседа на улице, между тем, подошла к концу. Изображавший милицейского начальника «сдался», под агрессивным напором сурового фээсбэшника, и неохотно скомандовал двум «ментам», стоящим у подъезда. – Передайте наверх. Пусть господина майора беспрепятственно пропустят к трупам и к задержанному. У него особые полномочия.

– К трупам?! К задержанному?! – Федоров заставил себя побледнеть… (Ну и артист!.)… – **ТАК ЧТО** же, **ЧТО ТАМ ПРОИЗОШЛО?!!**

– Проходите и сами все увидите, – хмуро посоветовал «капитан».

Майор ломанулся в подъезд. На лестнице послышались тяжелые, торопливые шаги, а мощный жучок донес до нас едва различимое, змеиное шипенье:

– Чудесно! Наш дважды герой по уши в дерьме. Ща-а-ас понаслаждаюсь занятным зрелищем!!!

Шаги приблизились, дверь отворилась, Федоров деловито зашел в квартиру и… в ту же секунду очутился в объятиях Логачева, скрутившего мерзавца жестоким болевым приемом.

– Обыщи, – коротко бросил мне Васильич.

Я привычно обшарил одежду завязанного узлом, рычащего от боли майора. Изъял документы, связку ключей, бумажник, табельный пистолет, мобильный телефон, электронную записную книжку. Передал добычу Нелюбину и подал знак Логачеву, дескать, «отпускай». Брезгливо морщась, Васильич завел согнутого пленника в комнату и, разжав захват, двинул ему коленом под зад. На мгновение взмыв в воздухе, майор смачно шмякнулся на брезент, прикрывавший залитый кровью пол, и ошалело затряс головой.

– Ну, падаль, наслаждайся «занятным зрелищем», – сквозь зубы процедил я. – Но не слишком долго. У тебя впереди много всякого интересного!

– А-А-А-А??!! – Федоров дико вылупился на меня, словно на выходца с Того Света. – Но как… почему?!!.. Не может такого быть!!!.. Где же, где… – тут он осекся и тупо уставился на пропитанный кровью брезент.

– Вас интересует судьба дочки Рябова, Виктории Семиной и двух охранников Рюмашкина? – ласково осведомился генерал. – Поспешу удовлетворить Ваше законное любопытство. Девочка с матерью и младшей сестрой. В настоящий момент, – Нелюбин покосился на часы, – они, полагаю, из церкви вернулись, с воскресной службы. Обедать собираются… Госпожа Семина глубоко под землей, в одиночной камере-клетке, под усиленной охраной. Сущенко с Удаловым тоже… А кровь настоящая, не сомневайтесь! Только не из

обезображенных женских тел… (Семину-то Вы приказали тоже того, ножом по горлу), а с ближайшей скотобойни. Целых три ведра!

– Б…ди! – злобно выругался опомнившийся провокатор, вскакивая на ноги. – Переиграли, уроды еб… Г-р-р-х-х, – получив от меня ногой под дых, он согнулся пополам, надсадно хрипя и роняя слюни.

– Не надо грязно выражаться, – прежним тоном посоветовал Борис Иванович. – Вы находитесь в приличном обществе, а не на эспээсовской блатхате.

– Иначе весь ливер отобью. Для начала! – грубым голосом пообещал Логачев.

– И, вообще, зря ты ерепенишься, – миролюбиво добавил я. – Вообразил, будто с ходу отправишься в кремационную печь вместо меня и, напоследок, решил показать себя крутым парнем?!

Федоров уныло промолчал, однако в глазах у него отразилось: «Да, именно так!»

– Напрасно, дорогуша, напрасно! – придавил его взглядом Васильич. – Наши мастера заплечных дел недаром зарплату получают. И если ты надеешься умереть с гордо поднятой головой, то вынужден тебя разочаровать – ничего не выйдет! За несколько дней интенсивной обработки ты превратишься в жалкое, трясущееся, спятившее от боли существо, которое будет молить лишь об одном: – «Прекратите весь этот кошмар! Скорее суньте меня живым в печку!!!»

Слова Логачева (вкупе с тяжелым, леденящим душу взглядом) подействовали на пленника должным образом.

Дерзкий вызов в глазах потух, сменившись беспросветным отчаянием. Красиво очерченное лицо смертельно побледнело. (На сей раз по-настоящему.) На лбу, на носу, на щеках выступили бисеринки пота.

– Вы сказали «надеешься умереть», – убито пробормотал он. – Ну а если нет?! Разве мы сможем договориться по-хорошему?!

– Разумеется, сможем! – лучезарно улыбнулся Нелюбин. – Ты будешь с нами активно сотрудничать, поможешь выйти на «басаевское наследство» и сдашь всех известных тебе господ, причастных к подготовке государственного переворота в начале 2008 года.

– А потом вы уничтожите меня, как отработанный материал, – губы Федорова заметно дрожали. – Разве нет?!

– Возможно, – не стал лукавить генерал. – Но до этого пройдет немало времени. И уничтожение уничтожению рознь. Сам знаешь! Кроме того… Кто знает, как оно там сложится? Вдруг ты окажешься о-очень ценным агентом? Тогда, невзирая на былые «заслуги», мы будем использовать тебя и дальше во благо Государства Российского. Как, например, того чеченца, из-за которого твои хозяева задумали подставить Корсакова. Он (в смысле чечен) злодей и мерзавец не меньше чем ты и заслужил не одну, а минимум несколько казней. Но… приносит большую Пользу! А посему – живет

и процветает. Под нашим контролем, само собой. Не правда ли, Дмитрий Олегович?

Я утвердительно кивнул.

– Хорошо, я согласен с вами сотрудничать, – тускло произнес Федоров, – но они безжалостно устраняют всех свидетелей. По их приказу я велел Сущенко с Удаловым зарезать Семину, а им самим подсыпал в чай особый нигерийский яд. Сегодня или завтра они умрут «естественной смертью» в ваших камерах-клетках. Ваше счастье, что допросить успели!.. Боюсь, и меня вскоре уберут, поскольку… – Майор внезапно пошатнулся, захлебнулся воздухом и ухватился обеими руками за сердце. Глаза у него покрылись мутной поволокой. На губах выступила пена.

– Проклятье! Его **уже** убрали! – воскликнул Логачев, бросаясь к майору и подхватывая падающее тело.

– «Отравленная рука», – коротко бросил он нам, достал из кармана маленькое шило, одним мощным рывком оголил насостоявшегося агента до пояса и начал поочередно колоть острием в какие-то точки на туловище.

Спустя некоторое время Федоров вновь задышал: редко, прерывисто, с надрывом. Глаза приобрели осмысленное выражение.

– Продержится секунд двадцать-двадцать пять, не более, – шепнул мне на ухо Нелюбин.

– Реанимировать нельзя? – также шепотом спросил я.

– К сожалению, нет!..

– Когда ты встречался с азиатом?! – настойчиво вопрошал между тем Логачев. – Говори же, говори! Я постараюсь тебя откачать!

– Через день… после разговора с Рюмашкиным, – чуть слышно прошелестел умирающий.

– Зачем? Где?

– В… спортзале… Он показывал мне… некоторые приемы… у-шу…

– Как его зовут? Как выглядит?!

– Толстый… лет пятьдесят… называет себя Лонг Шин… китаец, – по телу Федорова прошла волнообразная судорога. – Но паспорт у него… на корейское имя… недавно получил… российское гражданство…

– На какое имя паспорт?!! – Логачев не переставал выстраивать цепочку уколов, но Смерть уже вплотную приблизилась к майору… (я почти физически ощутил присутствие старой знакомой)… и бесцеремонно взяла свое.

– Ки-и-им, – сумел выдавить напоследок Федоров, сильно дернулся и застыл, уронив голову на плечо.

– Готов, – поднимаясь на ноги, угрюмо констатировал Логачев.

– Наши противники оказались гораздо предусмотрительнее, нежели мы рассчитывали, – тяжко вздохнул генерал. – Кстати, Рюмашкина они тоже убрали. Я просто не хотел вам говорить до завершения операции…

– Опять «отравленная рука»? – полюбопытствовал я.

– Нет, обычная автокатастрофа. Сегодня утром, по пути в офис у его машины отказали тормоза. Водитель погиб на месте. Рюмашкин, не приходя в сознание, по дороге в реанимацию. Грамотно работают, сволочи! – Нелюбин вздохнул еще тяжелее и сумрачно осведомился: – Итак, господа, сколько ниточек у нас осталось?

– Две, – не раздумывая, ответил я. – Одна – мой агент, вторая – азиат. Но тот уже по части Васильича. И по Вашей, Борис Иванович.

– Иголка в стоге сена, – проворчал генерал. – Кимом зовут каждого второго корейца!

– Зря Вы так, – не согласился Логачев. – Зацепки у нас есть, и немало! Называет себя Лонг Шин, – начал загибать пальцы он. – По национальности китаец, толстый, на вид лет пятидесяти… К тому же мастеров **такого** уровня – раз, два и обчелся! Все они, так или иначе, где-нибудь да засветились. (В среде профессионалов, естественно.) Попробую навести справки по собственным каналам. А Вы, – обратился он к Нелюбину, – пробейте, пожалуйста, всех без исключения «Кимов», недавно получивших российское гражданство. Это значительно сузит круг подозреваемых. Дмитрий же, тем временем, займется работой с агентом. Глядишь, и возьмем гадов, не мытьем, так катаньем!

– Действительно! – просветлел генерал. – Вы оба абсолютно правы, а я… что-то раскис. Прошу простить за минутную слабость и… начинаем действовать!!!..

Глава V

Сутки с лишним спустя.
Вечер понедельника

Разыгранный для покойного Федорова грандиозный спектакль все-таки принес определенную пользу. Сотрудники Нелюбина пустили по Конторе туманный слушок, будто бы «полковник Корсаков задержан до выяснения некоторых обстоятельств»… (читай – арестован и подвергается усиленной обработке.)… и неизвестные враги пока пребывали в уверенности, что их коварный план сработал. На службе ни вчера, ни сегодня я не появлялся. Моя квартира стояла опечатанная. А сам я отдохнул, отоспался и отъелся в известном читателю «офисном здании». Потом тщательно загримировался у нелюбинских умельцев, послал агенту шифрованную эсэмэску и с наступлением темноты поехал на конспиративную квартиру, расположенную в престижном районе города, в монументальной сталинской высотке. И слушок, и грим, и выбор места встречи объяснялись трогательной заботой генерала о моем чертовом Эмире… (Век бы его не видеть, да нельзя! Слишком полезен!)…

Агента, как мы теперь убедились, никто из врагов не знал. Ваш покорный слуга вроде как находился под арестом. Стало быть, слежки за мной не будет, и все по идее должно пройти

гладко. Но это по идее…

Однако если кто-то вдруг случайно увидит нас вместе… Особенно те, кому не надо!..

Поэтому встречу назначили не на улице (в одном из условных мест), а на означенной конспиративной квартире…

Агент Эмир (в миру Вахид Асланов) сидел у нас с Рябовым на **ТАКОМ** прочном крючке, что соскочить с него не мог при всём желании. А потому усердно (хотя и не добровольно) трудился на благо Государства Российского с августа 2004-го года.(См. том 1, том 2). Соплеменники Вахи, естественно не подозревали о его агентурной ипостаси. Более того, при активной поддержке ФСБ, он заработал у них громадный авторитет и высоко поднялся по иерархической лестнице в чеченской диаспоре Н-ска. Однако, не смотря на это, он испытывал к нам плохо скрытую ненависть и, будь у него возможность, как минимум отрезал бы мне заживо голову, в отместку за страшное унижение на городской свалке, где проходила первая стадия его вербовки. (См. «Изнанка террора»)…Я прибыл на упомянутую квартиру в восемь вечера и, по дороге, несколько раз «проверился». (Береженого Бог бережет!). Пешком поднялся на пятый этаж, набрал код дверного замка и повернул ключ. Бронированная дверь отперлась с легким щелчком. Зайдя внутрь, я включил свет, повесил пальто на вешалку в прихожей, не разуваясь, прошел в ближайшую комнату, достал из бара-холодильника бутылку «Нарзана» и зубами сорвал пробку. Потом уселся в

одно из кожаных кресел и ногой пододвинул к себе журнальный столик с пепельницей. До появления Эмира оставалось около часа. Выпив «Нарзан» прямо из горлышка, я выкурил сигарету, поудобнее устроился в кресле, лениво закрыл глаза и… непонятным образом очутился вне стен конспиративной квартиры, в прежде не знакомом месте, а именно – в просторном зале с деревянным полом, с изображениями одиннадцати драконов на стенах и с мертвенными лампами дневного света под потолком. В углах зала шевелились какие-то странные тени, а посреди него медитировал в позе лотоса толстый тип со смазанными, размытыми чертами лица. Раскачиваясь из стороны в сторону, как китайский болванчик, он бормотал непонятные слова мантры, отдающиеся в моих ушах острой болью. Я хотел подойти и заставить толстяка умолкнуть, но внезапно обнаружил, что являюсь призрачной, бестелесной субстанцией, способной лишь наблюдать. Дар речи тоже куда-то пропал. Между тем мантра гремела все сильнее. Тени в углах сгустились, превратились в черных змей, скользнули к толстяку и в мановение ока всосались в его конечности. Он страшно содрогнулся, сам весь почернел, но вскоре вновь обрел обычный цвет кожи, поднялся на ноги, зловеще расхохотался и вышел из зала на улицу. Я (по-прежнему призрачный, бестелесный) полетел за ним.

– Попрактикуемся, – пройдя пару кварталов, сказал сам себе толстяк и, поискав глазами, выбрал холеного, изрядно поддатого господина, вывалившегося из ресторана и нетвер-

дой походкой направившегося к роскошному автомобилю с персональным водителем. Тот, завидев хозяина, выскочил наружу и услужливо распахнул заднюю дверцу. А толстяк, также изображая пьяного, пересек дорогу «холеному» и задел его плечом одновременно, как бы невзначай, коснувшись рукой туловища.

– Твою мать! – бешено взревел задетый.

– Ох, извините, извините! Я случайно! Прошу прощения! – проворно отпрыгнув назад, начал часто кланяться толстяк. – Простите! Простите! У меня плохое зрение!

– Урод узкопленочный! Понаехали тут! Трам-та-рарам, – грязно выругался «холеный», смачно харкнул, норовя попасть в обидчика, с грехом пополам забрался в машину и, рыкнув на шофера, укатил прочь. После его отъезда толстяк дьявольски расхохотался и произнес с едва заметным, мяукающим акцентом:

– Умрешь через пять дней, крутой ты наш! Откажут сердце и легкие. У такого мастера, как я, не бывает осечек!

Я понял, что передо мной тот самый таинственный убийца-китаец, весь задрожал в охотничьем азарте, но… из-за отсутствия телесной оболочки, не смог ничего предпринять для задержания (или ликвидации) преступника. А мастер Лонг продолжил щедро сеять смерть. В рекордно короткие сроки он пометил отравленной рукой двух педерастов, прогуливающихся в обнимку… «Скончаетесь в один день и час, влюбленные вы мои, хе-хе, а именно спустя четверо суток от

заворота кишок. Оба!»… Кучерявого, масляноглазого торговца порно дисками: «Через три дня начнется рак обоих яичек, а сдохнешь через две недели после их ампутации, захлебнувшись спьяну собственной блевотиной»… Потом настала очередь упитанного гаишника, агрессивно вымогавшего взятку у владельца подержанной иномарки с правым рулем: «Через пять дней сильнейший запор, разрыв внутренних органов и изойдешь кровью на толчке. Секунд за пятнадцать. Даже на помощь позвать не успеешь!» А затем еще каких-то трех, с виду обычных граждан.

Толстяк явно наслаждался своим могуществом. Он хихикал, приплясывал, хлопал в ладоши и приговаривал язвительно:

– Триста лет назад **ЗДЕСЬ** такое было бы почти невозможно! А сейчас… ха! Пожалуйста! Сколько угодно! Сейчас пришло наше время!!!

С каждым потенциальным мертвецом он наглел все больше и под конец вовсе перестал изображать робкого неуклюжего толстяка, а пер напролом сквозь толпу, раздавая направо-налево смертоносные сгустки бесовской энергии. И неожиданно нарвался! Вознамерившись поразить «отравленной рукой» худенького мальчонку лет одиннадцати, минуту назад вышедшего из православного храма и по случайности оказавшегося у него на пути, мастер Лонг вдруг наткнулся на огненный щит, дико завопил, мячиком отлетел далеко на обочину дороги, почернел с ног до головы и начал

извиваться полураздавленным червяком, издавая мучительные стоны.

«На настоящих православных подобные фокусы не подействуют. Но таких, к сожалению, маловато осталось», – вспомнились слова Логачева. Тем временем стоны толстяка странным образом видоизменились, приобрели некую упорядоченность. Длинный, отрывистый (небольшой промежуток), два коротких, и опять по новой.

«Похоже на условный звонок Вахи», – подумал я и… проснулся. В дверь действительно звонили. Настенные часы показывали пять минут десятого.

Протерев лицо рукой (вместо умывания), я подошел к двери и заглянул в телескопический глазок. На площадке, катая на скулах желваки, стоял рослый, мрачный горец в дорогом пальто и с непокрытой головой. Физиономия Вахи выражала крайнюю степень раздражения. (Видимо, долго названивать пришлось.) Ругнувшись шепотом по-чеченски, он вновь поднес палец к кнопке звонка, и в следующий момент я распахнул дверь.

В глазах Вахи вспыхнуло изумление, быстро сменившееся хищными, волчьими огоньками.

– Извините, я, кажется, ошибся этажом, – насильственно улыбнулся он, сунув руку за пазуху. Оружием наш джигит владел отменно, и мне ничего не оставалось, как парализовать ему руку тычком пальцев в нервный узел.

– Угомонись, дорогой, не пори горячку, – тихо посовето-

вал я побелевшему от боли агенту и предложил: – Заходи в квартиру. Давно тебя жду.

– Корсаков?!! Ты-ы-ы?!! – дико выпучился Асланов.

– Придержи язык, – прошипел я, рывком за шиворот втащил его в квартиру и захлопнул дверь. – На фига фамилию светишь, идиот?!

– Точно ты, – облегченно выдохнул Ваха. – Но лицо… лицо… Совсем другого человека! Пластическую операцию сделал?! Да?!

– Нет, просто хороший грим.

– Класс! – искренне восхитился он. – А я-то уж подумал: нет тебя в живых. И этот, незнакомый, явился сюда по мою душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.